

МЭТТЮ УИЛСОН

ГЕМБЕЛЬ
— для —
ИНКВИЗИТОРА

Гембель для инквизитора

Мэттью Уилсон

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. «Шо вы мне суετε эту макулатуру?»

Глава 2. Погружение в абсурд

Глава 3. Клад в интернете

Глава 4. Сеть инквизитора

Глава 5. Сбор козырей и бесстрашие

Глава 6. Бенефис Розенберга

Глава 7. Эффект бабочки

Пролог

Дождь хлестал по панорамным окнам адвокатского кабинета на Старой Басманной, размывая огни вечерней Москвы в грязные желтые пятна. Яков Соломонович Розенберг, пятьдесят пять лет от роду, уроженец благословенной одесской Молдаванки и один из самых зубастых адвокатов столицы, сидел в своем кресле и молча смотрел на женщину по ту сторону массивного дубового стола.

Елена Воронова плакала. Это были не те театральные, истеричные слезы, к которым Яша давно привык за десятилетия практики. Это была тихая, удушающая паника человека, чей мир только что раздавил невидимый, безжалостный пресс.

— Они забрали Лешу во вторник, — ее голос дрожал, пальцы нервно теребили ремешок дорогой сумки. — Ворвались прямо в зал. Он вел утреннюю группу по хатха-йоге. Положили всех лицом в пол. Инструкторов, учеников, даже беременную девочку, которая пришла на медитацию. А потом следователь сунул мне в лицо вот это.

Она дрожащей рукой пододвинула к Яше пухлую папку. На сером картоне красовалась жирная печать.

Яков Соломонович неторопливо надел очки в тонкой золотой оправе. Он любил дорогие вещи, хороший коньяк и сложные дела. Но больше всего он ненавидел, когда закон превращали в дешевый балаган. Он открыл папку.

«Комплексная психолого-лингвистическая и религиоведческая экспертиза».

Яша пробежал глазами по первым страницам, и его губы тронула кривая, недобрая усмешка. Текст пестрел терминами, от которых за версту несло бульварной конспирологией: «деструктивный культ», «контроль сознания через дыхательные практики», «подавление воли адептов посредством мантр». Благотворительный фонд Воронова, помогавший реабилитации подростков, легким движением пера превращался в тоталитарную секту.

— Яков Соломонович, — Елена судорожно расстегнула сумку и выложила на стол толстый конверт, а следом — бархатную коробочку. — Здесь все наши сбережения. И бабушкино кольцо. Я продам машину, заложу квартиру, я найду еще. Только вытащите его. Умоляю. Мне сказали, вы лучший.

Розенберг тяжело вздохнул. Он посмотрел на конверт, на коробочку, затем перевел взгляд на заплаканное лицо женщины. В его глазах, обычно холодных и расчетливых, мелькнуло что-то похожее на брезгливость. Не к ней. К тем, кто довел ее до этого состояния.

Он аккуратно, двумя пальцами, пододвинул конверт и драгоценности обратно к Елене.

— Спрячьте это немедленно, Леночка, — его голос звучал мягко, с едва уловимым, но неистребимым южным акцентом. — И прекратите делать мне нервы. Оплата после работы. Если я возьмусь.

Он снова опустил глаза в документ. На последней странице, под абсурдными выводами о том, что растяжка позвоночника является актом экстремизма, стояла подпись. И печать ассоциации, указанной в материалах дела: РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Президент — профессор Александр Дворкин.

Яша откинулся в кресле. Он знал эту аббревиатуру. Вся юридическая Москва знала, что если в деле появляется бумажка с этой печатью, судьи слепнут, прокуроры глохнут, а здравый смысл выходит покурить и не возвращается. Это была не просто экспертиза. Это была индульгенция на уничтожение.

В голове Розенберга пронеслась мысль о том, как причудливо эволюционировало зло. В Средние века инквизиторам нужны были костры, дыба и раскаленные щипцы, чтобы сломать человека. В двадцать первом веке все стало гораздо стерильнее. Теперь достаточно принтера, пачки бумаги формата А4 и круглой синей печати. Ты можешь быть кристально честным человеком, платить налоги, переводить старушек через дорогу и учить людей правильно дышать. Но если кто-то наверху решит, что твое имущество, твой бизнес или просто твое лицо им не нравится — они закажут такую вот бумажку.

И эта бумажная гильотина опустится на твою шею с неотвратимостью гравитации.

— Значит, дыхательные практики подавляют волю, — пробормотал Яша, листая страницы. — А благотворительные сборы на приют для детей — это, цитирую, «финансовое закабаление адептов». Потрясающе. Шекспир нервно курит в коридоре.

— Следователь сказал, что с такой бумагой Леше дадут лет десять, — прошептала Елена. — Что против них никто не выигрывает. Мол, всё решено наверху.

Яша поморщился. Он терпеть не мог, когда обыкновенный бюрократический сговор и кучку шарлатанов с хорошими связями прикрывали многозначительными фразами про «решения наверху».

Он еще раз посмотрел на подпись в конце документа. Обычные чернила, стандартный штамп. Но за ними стоял не абстрактный механизм, а вполне конкретная цепочка людей, прекрасно понимавших, что прямо сейчас эта бумага отправляет живого, ни в чем не повинного мужчину в камеру СИЗО.

Яков Соломонович неторопливо закрыл картонную папку.

— Леночка, — сказал он, глядя женщине прямо в глаза. — Ваш муж сейчас сидит под арестом только потому, что какой-то самозванец с печатью решил, что ему всё позволено. Они там привыкли: наштамповали умных слов на бланке, следователь подшил в дело — и всё в шляпе. Но они упустили одну маленькую деталь.

— Какую? — Елена затаила дыхание.

Яша чуть прищурился. В его взгляде появилась та самая холодная, спокойная уверенность человека, который сотни раз разваливал и не такие «железобетонные» обвинения.

— Они упустили тот факт, что в суде им придется отвечать на мои вопросы. А я, Леночка, страсть как не люблю, когда мне суют макулатуру вместо доказательств. Идите домой. Постарайтесь уснуть. Завтра утром я еду к Алексею. Мы устроим этим деятелям такой гембель, что они забудут, как их маму звали.

Дождь за окном хлестал с прежней силой, заливая стекла адвокатского кабинета. Яков Розенберг еще не догадывался, насколько глубоко ему придется изучить биографию инициаторов и исполнителей этой экспертизы и с какой беспросветной грязью предстоит столкнуться. Но решение было принято. Дело началось.

Глава 1. «Шо вы мне суετε эту макулатуру?»

Тяжелая металлическая дверь следственного изолятора захлопнулась за спиной Якова Соломоновича Розенберга с глухим, утробным лязгом. Этот звук, знакомый до боли, всегда действовал как рубильник, отсекающий внешний мир с его суетой, московскими пробками, неоновыми вывесками и иллюзией свободы. Здесь, по эту сторону бетонного забора с колючей проволокой, начиналась параллельная реальность. Реальность, где время измерялось не часами, а утренними и вечерними проверками, где воздух был густым от застарелого пота, дешевого табака, сырой штукатурки и липкого, всепроникающего человеческого страха.

Яша ненавидел это место, но знал его как свои пять пальцев. За тридцать с лишним лет адвокатской практики он провел в этих казенных коридорах столько часов, что их с лихвой хватило бы на несколько полноценных жизней. Он шел по длинному, тускло освещенному коридору, сопровождаемый молчаливым прапорщиком. Дорогие итальянские туфли Розенберга гулко стучали по истертому, пошедшему волнами линолеуму, и этот звук эхом отскакивал от облупленных стен.

В следственном кабинете узкое окно под потолком было забрано густой решеткой, сквозь которую едва пробивался серый московский свет. Яша брезгливо смахнул пыль со стула, сел за привинченный к полу стол, положил перед собой пухлую папку из дорогой телячьей кожи и стал ждать.

Обычно клиенты, особенно те, кто попадал сюда впервые — бизнесмены, интеллигенты, врачи, руководители благотворительных фондов, — в первые сорок восемь часов представляли собой жалкое зрелище. Государственная машина подавления работала безотказно. Она вырывала человека из теплой постели, бросала лицом в грязный пол, надевала наручники, прогоняла через унижительные процедуры обыска и запирала в бетонной коробке с уголовниками. К моменту встречи с адвокатом большинство из них превращались в трясущиеся комки нервов. Они врывались в кабинет, плакали, срывались на крик, умоляли вытащить их любой ценой, готовы были переписать бизнес, продать почки и подписать любые признательные показания, лишь бы снова увидеть небо без решетки. Яша всегда держал наготове дежурную речь: жесткую, холодную, приводящую в чувства оплеуху из слов, которая заставляла клиента прекратить истерику и начать работать.

Дверь лязгнула. Конвоир грубо втолкнул внутрь арестанта и остался снаружи, повернув ключ в замке.

Яша приготовился включить свой фирменный ледяной тон, но слова застряли у него в горле. Перед ним стоял человек, который совершенно, абсолютно не вписывался в интерьер СИЗО.

Алексей Воронов, тридцативосьмилетний инструктор по йоге и руководитель благотворительного фонда, одетый в безразмерную, застиранную тюремную робу, выглядел так, словно пришел не на допрос по тяжкой статье, а на деловую встречу, которая его немного утомляет, но которую он готов вежливо отсидеть. Его спина была идеально прямой. Плечи расправлены. Взгляд — ясный, спокойный, сфокусированный. Никакой суеты в движениях. Никакого затравленного блеска в глазах. Никакой дрожи в пальцах.

Воронов подошел к столу, плавно отодвинул стул и сел напротив адвоката. Он сложил руки перед собой. Его дыхание было ровным, глубоким и ритмичным.

— Добрый день, — голос Воронова звучал мягко, но твердо, без малейших признаков надлома. — Вы от Лены?

Яков Соломонович медленно снял очки в золотой оправе, протер их шелковым платком и снова водрузил на нос, внимательно изучая сидящего перед ним человека.

— Яков Розенберг, — представился адвокат, слегка прищурившись. — Да, ваша супруга вчера была у меня в офисе. Плакала так, что чуть не затопила мне приемную. А вы, я смотрю, не слишком-то расстроены сменой обстановки. Местная кухня пришлась по вкусу?

Воронов едва заметно улыбнулся. Это была не нервная ухмылка виноватого, а спокойная улыбка человека, который понимает правила игры, но отказывается в нее играть.

— Местная кухня оставляет желать лучшего, Яков Соломонович. Но если позволить внешним обстоятельствам диктовать твое внутреннее состояние, то ты проиграл еще до начала суда. Тюрьма — это просто пространство. Бетон, железо, время. Мой разум свободен. Они могут запереть мое тело, но они не могут заставить меня паниковать. Я использую это время для практики. Наблюдаю за умом.

Яша хмыкнул. В его богатой практике встречались разные типажи, но этот стоицизм был неподдельным. Воронов не играл в героя. Он действительно нашел внутри себя точку опоры, которую следователи не смогли выбить ни внезапным арестом, ни угрозами.

— Наблюдаете за умом, значит, — протянул Розенберг, откидываясь на спинку неудобного стула. — Это похвально. Будда бы вами гордился. Но боюсь, следователь Иванов из Следственного комитета плевать хотел на вашу нирвану. Ему нужна галочка в отчетности. А вы для него — идеальная мишень. Интеллигентный, успешный, занимаетесь какими-то непонятными для простого русского мужика восточными практиками. Идеальный кандидат на роль лидера тоталитарной секты.

— Я никого не принуждал, — спокойно ответил Воронов. — Люди приходили ко мне в фонд добровольно. Мы помогали трудным подросткам, занимались реабилитацией, учили их контролировать агрессию через дыхание

и физические упражнения. Мы собирали деньги на приюты для детей. Где здесь секта?

— Где здесь секта? — Яша усмехнулся, и в этой усмешке скользнуло нечто хищное. — Алексей, вы рассуждаете как нормальный, здоровый человек. А мы с вами сейчас находимся в зазеркалье. Здесь логика не работает. Здесь работают бумажки с печатями.

Розенберг подался вперед, сцепив пальцы в замок.

— Расскажите мне о себе. Коротко. Кто вы, откуда? Как докатились до жизни такой — помогать людям в стране, где это наказуемо?

Воронов пожал плечами.

— Родился в обычной семье. Инженеры. Учился, работал в корпоративном секторе, потом понял, что выгораю. Ушел в йогу. Открыл фонд. Ничего криминального. Меня воспитывала бабушка, она всегда говорила, что человек должен оставлять после себя свет, а не грязь. Она была очень сильной женщиной. Пережила войну, голод, но никогда не теряла достоинства.

— Бабушка — это святое, — кивнул Яша, хотя его лицо оставалось непроницаемым. — Как звали бабушку?

— Раиса Марковна.

Яша замер. Что-то неуловимо изменилось в воздухе кабинета. Имя и отчество резанули слух знакомой, почти забытой мелодией.

— Раиса Марковна? — переспросил Розенберг, слегка понизив голос. — И откуда же была ваша Раиса Марковна, позвольте поинтересоваться?

— Из Одессы, — ответил Воронов, не понимая причины внезапного интереса адвоката. — С Молдаванки. Улица Мясоедовская. Она переехала в Россию только в семидесятых, когда вышла замуж за деда.

В кабинете повисла тишина. Слышно было только, как за дверью тяжело шагает конвоир.

Яков Соломонович Розенберг, один из самых циничных, дорогих и безжалостных адвокатов Москвы, человек, который мог хладнокровно

развалить дело об убийстве и не моргнуть глазом, вдруг почувствовал, как внутри него что-то щелкнуло. Молдаванка. Мясоедовская. Запах жареной камбалы, крики чаек над портом, раскаленный асфальт Дерибасовской и тот неповторимый, острый как бритва говор, который невозможно подделать. Одесса была для Яши не просто городом, в котором он родился. Это была национальность. Это был тайный орден. Землячество, которое не стиралось ни годами жизни в столице, ни миллионными гонорами.

Он посмотрел на Воронова совершенно другими глазами. Статус сидящего напротив человека только что изменился. Из «очередного платежеспособного клиента» он мгновенно превратился в «земляка». А своих на Молдаванке не бросали.

Яша медленно расстегнул пуговицу на пиджаке.

— Значит так, Леша, — голос Розенберга потерял официальную сухость и приобрел те самые, едва уловимые южные интонации, которые он обычно тщательно скрывал в московских судах. — Ваша супруга вчера принесла мне в офис конверт толщиной с кирпич и фамильное кольцо. Готова была заложить квартиру. Я сказал ей, что оплата будет после работы. Но теперь я скажу вам другое. Передайте Леночке, чтобы она спрятала кольцо обратно в сейф и купила себе на эти деньги что-нибудь красивое.

Воронов удивленно поднял брови.

— Я не понимаю. Вы отказываетесь от дела?

— Я похож на идиота, который отказывается от драки? — Яша хищно оскалился. — Я беру ваше дело. Но для земляков у меня особый тариф. Мы не просто вытащим вас отсюда. Мы устроим этим поцам такой гембель, что они будут заикаться до конца своих дней. Никто не смеет шить уголовку внуку Раисы Марковны с Мясоедовской. Это, Леша, теперь вопрос чести. А честь в моем возрасте стоит дороже любых гонораров.

Розенберг резким движением открыл свою кожаную папку и извлек оттуда стопку листов, скрепленных степлером. На верхнем листе красовалась жирная синяя печать.

— А теперь, — Яша брезгливо подцепил документ двумя пальцами, словно это быладохлая крыса, — давайте почитаем, что эти деятели про вас сочинили. Вы готовы прикоснуться к великому?

Воронов кивнул, сохраняя невозмутимость.

— Это, Леша, — Яша потряс бумагами в воздухе, — «Комплексная психолого-лингвистическая и религиоведческая экспертиза». В материалах дела она была увязана с некой ассоциацией под названием РАЦИРС — Российской ассоциацией центров изучения религий и сект, президентом которой значился господин Александр Дворкин. Следователь Иванов считает, что эта бумажка — ваш билет в колонию лет на десять.

Яша надел очки, откашлялся и начал читать вслух, с каждой фразой все больше наполняя свой голос убийственным, хирургическим сарказмом.

— Слушайте внимательно, это поэзия. Цитирую: «Обвиняемый Воронов А.В. в ходе проведения так называемых занятий по хатха-йоге систематически применял техники контроля сознания. В частности, использование дыхательных практик (пранаяма) приводило адептов в состояние гипервентиляции легких, что искусственно снижало их порог критического мышления и вводило в состояние транса, делая их беззащитными перед психологическим доминированием лидера культа».

Яша опустил бумагу и посмотрел на Воронова поверх очков.

— Вы поняли, Леша, какой вы коварный злодей? Вы заставляли людей дышать! Это же прямой путь к экстремизму. Сегодня они делают глубокий вдох и выдох, а завтра, потеряв критическое мышление от переизбытка кислорода, пойдут свергать конституционный строй. Как вы вообще додумались до такого изощренного садизма — учить москвичей правильно дышать?

Воронов тихо рассмеялся. Это был искренний, здоровый смех человека, который видит абсурдность ситуации.

— Мы просто делали упражнения на расслабление, — сказал он. — Это физиология, а не мистика.

— Физиология? — Яша картинно всплеснул руками. — Оставьте физиологию врачам! Тут же вещает бумага, которую следствие уже почти объявило истиной в последней инстанции. Слушайте дальше. Раздел второй. Финансовая эксплуатация. Цитирую: «Сбор добровольных пожертвований на нужды приюта для детей является классическим паттерном финансового закабаления, характерным для тоталитарных деструктивных сект. Адепты, находясь под психологическим давлением, отчуждали свои материальные средства в пользу организации, ошибочно полагая, что совершают акт благотворительности, в то время как на самом деле происходило формирование патологической зависимости от лидера».

Розенберг аккуратно положил листы на стол и разгладил их ладонью. Его лицо внезапно стало очень серьезным, а в глазах появился холодный, стальной блеск. Юмор испарился, уступив место профессиональной ярости.

— Знаете, Леша, над этим можно было бы смеяться до колик, если бы из-за этой макулатуры вы сейчас не сидели в камере, где параша стоит в метре от нар.

Яша встал из-за стола и начал мерить шагами тесное пространство кабинета.

— То, что мы сейчас прочитали — это не просто бред сумасшедшего. Это не ошибка некомпетентного идиота. Это целенаправленная, хладнокровная фабрикация. Они используют псевдонаукообразный язык, жонглируют терминами вроде «контроль сознания», «деструктивный культ», «психологическое доминирование», чтобы прикрыть абсолютную, звенящую пустоту своих обвинений. Это антинаучная дичь, которая не выдержит критики даже студента первого курса психфака. Но проблема в том, что следователям не нужна наука. Им нужна бумага с печатью, которая легализует их беспредел.

Воронов внимательно следил за адвокатом.

— Вы хотите сказать, что эта экспертиза — просто инструмент?

— Вот именно! — Яша замер и постучал пальцем по документам. — Это же просто удобный способ раздавить любого, кто им не нравится. Раньше искали отметины на коже, чтобы отправить человека на костер, а теперь им достаточно ваших «дыхательных практик» или обычного сбора денег на помощь детям,

чтобы назвать вас опасным и упрятать за решетку. Всё то же самое, просто обертка другая. Они сначала выбирают, кого нужно съесть, а потом подгоняют под это свои фантазии.

Розенберг снова сел за стол, придвинулся ближе к Воронову и заговорил тихо, почти шепотом, но в этом шепоте было столько энергии, что казалось, воздух в кабинете начал искрить.

— Этот Дворкин и его РАЦИРС возомнили себя вершителями судеб. Они думают, что могут безнаказанно ломать жизни нормальным людям, прикрываясь заботой о духовной безопасности. Они штампуют эти экспертизы как на конвейере. И суды, к моему величайшему стыду, принимают эту филькину грамоту как доказательство.

Воронов не отвел взгляда.

— И что мы будем делать, Яков Соломонович? Оправдываться? Доказывать, что йога — это просто гимнастика?

— Оправдываться? — Яша презрительно фыркнул. — Оправдываются виноватые. А мы с вами, Леша, перейдем в наступление.

Адвокат сгреб бумаги обратно в папку и застегнул молнию.

— Я не собираюсь просто вытаскивать вас отсюда по-тихому, за недостаточностью улик. Это было бы слишком скучно. И это не решило бы проблему. Если мы просто отобьемся, они найдут следующую жертву. Завтра они придут к клубу любителей макраме и объявят их террористической ячейкой, потому что они вяжут узлы, подавляющие волю. Нет. Мы сделаем по-другому.

Яша посмотрел прямо в глаза своему подзащитному.

— Я собираюсь публично, в зале суда, под камеры журналистов, выпотрошить эту экспертизу. Я разберу ее на атомы. Я докажу, что каждое слово в ней — это антинаучный бред. Но и этого мало. Я собираюсь вытащить на свет божий исполнителей и заказчиков этой фальшивки. Я хочу посмотреть, кто такой этот Дворкин. Какое у него образование? Какие у него компетенции решать, кто сектант, а кто нет? Я заставлю их пожалеть о том дне, когда они решили прикоснуться к внуку Раисы Марковны.

Воронов медленно кивнул. В его спокойных глазах впервые мелькнуло что-то похожее на азарт.

— Вы уверены, что это безопасно? Система не любит, когда против нее идут в лобовую атаку.

— Безопасность — это иллюзия, Леша, — усмехнулся Яша, поднимаясь со стула и поправляя лацканы пиджака. — Вы сидели в своем фонде, никого не трогали и учили людей дышать. Вам это помогло? Нет. Когда имеешь дело с инквизиторами, единственный способ выжить — это зажечь костер под ними самими.

Розенберг постучал костяшками пальцев по металлической двери, подавая знак конвоиру.

— Сидите спокойно. Дышите своей пранаямой. Наблюдайте за умом. Не подписывайте ни одной бумаги без моего присутствия. Даже если следователь будет обещать вам золотые горы или угрожать карцером — молчите и улыбайтесь. Всю грязную работу я беру на себя.

Дверь со скрежетом открылась. Прапорщик с равнодушным лицом шагнул в проем, готовясь увести арестанта обратно в камеру.

Воронов встал, заложил руки за спину, как того требовали правила, но перед тем, как повернуться к выходу, посмотрел на адвоката.

— Спасибо, Яков Соломонович.

— Поблагодарите бабушку, — бросил Яша. — И помните: мы не защищаемся. Мы готовим казнь.

Через двадцать минут Яков Розенберг вышел за ворота следственного изолятора. Московский дождь усилился, превратившись в холодный, колючий ливень. Он смывал грязь с тротуаров, барабанил по крышам припаркованных машин и затекал за воротник дорогого пальто.

Яша подошел к своему черному седану, сел на кожаное сиденье и захлопнул дверь, отсекая шум улицы. В салоне было тепло и тихо. Он не спешил заводить двигатель. Вместо этого он достал из внутреннего кармана телефон и открыл браузер.

Его мозг, натренированный десятилетиями юридических баталий, уже работал на опережение. Он почуял запах гнили, исходящий от экспертизы, и теперь его охотничий инстинкт требовал найти источник этой гнили. Кто такой этот Александр Дворкин? Как человек, пишущий откровенный, антинаучный бред, получил власть ломать человеческие судьбы на федеральном уровне? Кто дал ему эту печать?

Яша вбил в поисковую строку это имя. Экран смартфона осветил его лицо холодным светом. Во взгляде человека, который десятилетиями разваливал самые безнадежные дела, читалась ледяная, абсолютная уверенность. Процесс пошел. Розенберг тогда еще не подозревал, в какую темную бездну чужого безумия ему предстоит заглянуть.

Глава 2. Погружение в абсурд

Кабинет Якова Соломоновича Розенберга на Старой Басманной давно погрузился в густую, вязкую тишину московской ночи. За панорамными окнами перестал барабанить дождь, оставив после себя лишь влажный блеск асфальта и редкие отсветы проезжающих машин.

Яша сидел за своим массивным дубовым столом, ослабив узел шелкового галстука и расстегнув верхнюю пуговицу белоснежной сорочки. Перед ним светился экран ноутбука, отбрасывая холодный синеватый свет на его лицо, изрезанное глубокими морщинами — следами тысяч выигранных и проигранных баталий в залах суда. Справа от клавиатуры стоял бокал с налитым на два пальца «Араратом», слева — папка с экспертизой, из-за которой Алексей Воронов сейчас протирает казенные нары в следственном изоляторе.

Розенберг сделал маленький глоток, покатал обжигающую жидкость на языке и сглотнул. Его мозг, натренированный десятилетиями юридической практики, требовал ответов. В уголовном процессе Российской Федерации, согласно статье 57 Уголовно-процессуального кодекса, экспертом является лицо,

обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном кодексом, для производства судебной экспертизы. Ключевое словосочетание здесь — «специальные знания». Если в деле фигурирует труп с огнестрельным ранением, суд вызывает баллистика и судмедэксперта. Если речь идет о финансовых махинациях — аудитора с профильным экономическим образованием. Это базис. Это фундамент, на котором держится хоть какая-то иллюзия правосудия.

Но когда дело касалось так называемых «сект», система почему-то давала катастрофический сбой, превращаясь в дешевый балаган.

Яша придвинул ноутбук поближе и открыл поисковую систему. Ему нужно было понять, кто такой этот Александр Дворкин, чья подпись стояла под документом, отправляющим нормального, здорового человека за решетку на десяток лет. Кто этот титан мысли, этот непререкаемый авторитет, чьему слову следователи верят больше, чем здравому смыслу?

Пальцы адвоката быстро застучали по клавишам: «Александр Дворкин образование официальная биография».

Поисковик мгновенно выдал десятки ссылок. Яша открыл первую попавшуюся страницу, затем вторую, третью, сверяя данные. Он читал сухие строчки биографии, и по мере чтения его губы медленно растягивались в сардонической, почти хищной усмешке.

— Потрясающе, — пробормотал Розенберг в пустоту кабинета. — Просто феноменально.

Он откинулся на спинку кресла и потер переносицу. Факты, смотревшие на него с экрана, были настолько абсурдными, что в них было сложно поверить с первого раза.

Итак, главный эксперт страны по деструктивным культам, человек, который с легкостью жонглирует терминами вроде «психологическое доминирование» и «контроль сознания», имел следующее базовое образование: в 1980 году он получил степень бакалавра гуманитарных наук по специальности «русская литература» в Хантер-Колледже, Нью-Йорк.

Яша тихо рассмеялся. Бакалавр русской литературы. Не психиатр. Не клинический психолог. Не юрист. Не социолог. Человек, который, вероятно, неплохо разбирается в душевных терзаниях Раскольникова и метафорах Тютчева, берет на себя смелость ставить диагнозы целым организациям и отправлять людей в тюрьму.

— Скажите мне, Александр Леонидович, — обратился Яша к фотографии бородатого мужчины на экране, — если у меня прорвет трубу в ванной, я должен звать сантехника или выпускника консерватории по классу виолончели? Почему же тогда вы, с вашим дипломом чтеца стихов, лезете в человеческую психику?

Но это было только начало. Дальше биография сообщала, что в 1983 году Дворкин получил степень кандидата богословия в Свято-Владимирской православной духовной семинарии в Нью-Йорке, а в 1988 году — степень доктора философии (Ph.D.) по истории Средних веков в Фордхемском университете.

Богословие и история Средних веков. Семинария — церковное учебное заведение, Фордхем — университет иезуитской традиции, но никак не кафедра клинической психологии, судебной психиатрии или криминологии.

Розенберг, как юрист-практик, прекрасно знал, что любые иностранные дипломы на территории Российской Федерации имеют вес только после прохождения процедуры нострификации — официального признания документов о высшем образовании государственными органами. Яша открыл подборку документов и справок, связанных с Рособрнадзором и статусом иностранных степеней Дворкина.

Яша впился глазами в текст документа. Там черным по белому было сказано, что предусмотренные российской государственной системой аттестации ученые степени и звания у данного гражданина отсутствуют. Более того, в этих же материалах отдельно подчеркивалось: «В действующей Номенклатуре специальностей научных и научно-педагогических работников специальности “сектоведение” не имеется».

— Бинго, — тихо сказал адвокат, хлопнув ладонью по столу.

Он сидел и наслаждался моментом кристальной ясности. Перед ним была не просто юридическая лазейка, перед ним зияла гигантская, черная дыра в самом центре обвинения. Человек, который называет себя «профессором сектоведения», является профессором дисциплины, которой нет в государственной номенклатуре научных специальностей. Это все равно что быть доктором марсианских наук или академиком по изучению эльфийского фольклора. В государственной системе научной аттестации такой специальности нет, но «эксперт» по ней есть. И этот эксперт ломает судьбы.

Яша вспомнил дело пятилетней давности, когда он защищал владельца крупной сети ресторанов от обвинений в уклонении от уплаты налогов. Тогда следствие привлекло некоего «независимого аудитора», который накропал экспертизу на двести страниц, доказывая вину клиента. Розенбергу понадобилось ровно три дня, чтобы выяснить, что диплом этого аудитора был куплен в переходе на станции метро «Площадь Ильича», а сам институт давно лишен аккредитации. В суде Яша размазал того эксперта тонким слоем по плинтусу за пятнадцать минут допроса. Судья тогда покраснел от ярости и вынес частное определение в адрес следователя.

Но тот аудитор был мелким жуликом, пытавшимся заработать копейку на заказном деле. А здесь масштаб был иным. Здесь человек без профильного светского образования, без нострифицированных дипломов, представляющий выдуманную науку, годами выступал в судах, читал лекции сотрудникам МВД, ФСБ и Следственного комитета. Как система могла проглотить эту наживку? Как государственная машина, которая требует справку с печатью на каждый чих, позволила бакалавру литературы стать главным инквизитором страны?

Азарт исследователя гнал его дальше. Если этот человек пишет книги и учебники, по которым учатся силовики, значит, кто-то из настоящих ученых должен был дать этому оценку. Не может быть, чтобы академическое сообщество молча проглотило этот бред.

Яша углубился в архивы юридических и религиоведческих публикаций. Он искал рецензии, отзывы, критические статьи. Искать пришлось недолго. Интернет помнил все.

На экране появился скан документа, датированного 27 декабря 2000 года. Это было экспертное заключение по содержанию главной книги Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования». Автором заключения был не какой-то обиженный блогер или анонимный критик. Подпись под документом принадлежала Михаилу Кузнецову — доктору юридических наук, профессору Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Яша увеличил масштаб страницы и начал читать. Текст был написан сухим, академическим языком, но за этой сухостью скрывалось абсолютное, тотальное уничтожение труда Дворкина. Профессор Кузнецов методично, шаг за шагом, разбирал псевдонаучные конструкции автора, указывая на отсутствие методологии, подмену понятий и откровенную юридическую безграмотность.

Розенберг дошел до последней страницы, где располагалось резюме. Он прочитал его вслух, смакуя каждое слово, словно это был лучший деликатес на Привозе:

— «Нет смысла в данном заключении высвечивать все обнаруженные недостатки книги А. Дворкина. В противном случае данное заключение уместилось бы на многих десятках страниц. Подводя итог, повторимся: книга А. Дворкина “Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования” вряд ли, в силу вышеуказанных и многих других причин, может представлять какой-либо интерес и пользу для православных миссионеров, светских учёных — религиоведов, юристов, социологов и др., а также для правоохранительных и иных государственных органов».

Яша откинулся в кресле и удовлетворенно крякнул.

— Ай да профессор Кузнецов! Ай да молодец! Припечатал так, что мокрого места не осталось.

Доктор юридических наук, профессор академии при Президенте прямым текстом заявляет, что писанина Дворкина — это макулатура, не представляющая пользы ни для науки, ни для правоохранительных органов. И это было написано еще в двухтысячном году! Двадцать с лишним лет назад академическое

сообщество вынесло свой вердикт. Но что произошло потом? Почему Дворкин все еще работает?

Яша встал из-за стола и прошелся по кабинету. Его шаги глухо тонули в толстом ворсе персидского ковра. В голове складывалась картина колоссального, государственного масштаба подлога. Но чего-то не хватало.

Розенберг остановился у окна и посмотрел на ночную Москву. Чтобы годами выстраивать такую систему лжи, чтобы с такой фанатичной одержимостью преследовать людей, выдумывая несуществующие угрозы, нужно обладать весьма специфическим складом ума. Здоровый, адекватный человек, даже если он циничен и любит деньги, рано или поздно устанет от этой бесконечной охоты на ведьм. Здоровому человеку нужен отдых, нужны простые радости. А здесь чувствовалась какая-то маниакальная, нездоровая тяга к разрушению.

Яша вернулся к ноутбуку.

— А давайте-ка посмотрим, Александр Леонидович, нет ли в вашем шкафу скелетов в белых халатах, — пробормотал адвокат, вбивая новый запрос.

Он начал искать информацию о скандалах, связанных с личностью эксперта. И буквально через десять минут наткнулся на золотую жилу. Статьи, датированные 2014 годом, пестрели кричащими заголовками. Журналисты раскопали информацию о том, что в молодости, до своей эмиграции в США, Дворкин состоял на учете в психоневрологическом диспансере.

Яша напрягся. Одно дело — слухи и газетные утки, другое — медицинские документы. Как юрист, он верил только бумагам с печатями. Он начал копать глубже, продираясь сквозь тонны информационного мусора, пока не нашел то, что искал.

В сети были опубликованы материалы, представленные как заключение специалистов Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского. Это было не просто мнение какого-то частного врача. Центр Сербского — это одна из ключевых институций в российской судебной психиатрии. Их заключения ложатся в основу приговоров по самым громким уголовным делам.

История оказалась поразительной. Согласно опубликованной версии, на экспертизу в Центр Сербского были предоставлены обезличенные копии медицинских карт из ПНД за период с 1973 по 1977 год. Фамилия пациента и все идентифицирующие данные были тщательно закрашены. Психиатры изучали исключительно анамнез, симптоматику и течение болезни некоего анонимного гражданина, не зная, что перед ними история болезни главного антикультиста всея Руси.

Яша открыл скан заключения экспертов Центра Сербского. Диагнозы, выставленные пациенту в те годы, гласили: циклотимия (маниакально-депрессивный психоз), патологическое развитие личности, психофизический инфантилизм.

Розенберг впился глазами в выводы современных экспертов, которые анализировали эту карту. Каждое слово в этом документе было гвоздем в крышку гроба обвинения против Алексея Воронова. Яша читал медленно, впитывая формулировки, которые он скоро обрушит на головы судьи и прокурора.

В опубликованном заключении говорилось: «Больной нуждается в постоянном непрерывном наблюдении у психиатра (посещение ПНД не реже 1 раза в 2 месяца, при необходимости госпитализация в психиатрическую больницу), постоянном приеме психотропных препаратов».

Яша хмыкнул. Постоянный прием психотропных препаратов. Интересно, принимает ли их господин эксперт перед тем, как садиться писать свои заключения о вреде дыхательных практик?

Он читал дальше: «Уровень ответственности, собранности, взвешенности, концентрации внимания у такого больного всегда значительно страдает, так как эмоциональный фон при подобных заболеваниях крайне неустойчив, и регулируется внутренними неконтролируемыми побуждениями».

— Неконтролируемые побуждения, — эхом повторил Яша. — То есть человек, чьи решения регулируются не логикой, не законом, а внутренними неконтролируемыми побуждениями, решает, кто у нас в стране сектант, а кто добропорядочный гражданин. Какая прелесть.

Но самый сокрушительный удар ждал Розенберга в следующем абзаце. Психиатры, описывая возможную социальную активность такого пациента, выдали характеристику, которая с пугающей точностью описывала всю карьеру Дворкина. Яша читал этот фрагмент, и у него по спине бежали мурашки от того, насколько клиническая картина совпадала с реальностью.

«Однако, при наличии “светлых промежутков”, а также в маниакальной фазе, он может выполнять временную работу, проявлять в ней фантазию, изощрённость, формировать логические доводы и умозаключения, создавать собственные теории, зачастую легко опровергаемые, подчинять своему влиянию внушаемых личностей, вести какую-либо пропаганду и т.п. Его деятельность вряд ли будет подкреплена серьёзной научной базой, основанной на длительных наблюдениях, или требующей аналитических способностей. Это скорее будут поверхностные суждения, облекаемые в яркую “обложку” и подкрепляемые неадекватной по силе и модальности эмоциональной окраской».

Яша откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В кабинете повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь тихим гудением кулера в ноутбуке.

Это был даже не нокаут. Это было полное, безоговорочное уничтожение.

Авторы опубликованного заключения, сами того не ведая, разобрали всю суть так называемого «сектоведения». Они медицинским языком будто объясняли, откуда берутся эти безумные экспертизы. «Создавать собственные теории, зачастую легко опровергаемые», «подчинять своему влиянию внушаемых личностей», «поверхностные суждения, облекаемые в яркую обложку». Это был не научный метод. Это была клиническая картина маниакальной фазы циклотимии.

И в довершение всего, в документе резюмировалось: «Для государственной службы, работы в общественных организациях при госучреждениях больной непригоден в силу невозможности проявления должной степени ответственности, подчиняемости и исполнительности. Исследуемый наверняка не затруднится принять решение высокой важности, однако основано оно будет на его личных крайне субъективных взглядах...»

Яков Соломонович открыл глаза и посмотрел на свой бокал с коньяком. Ему вдруг захотелось выпить не изысканного армянского дистиллята, а простой, жесткой водки. Потому что уровень абсурда, в который он только что погрузился, не поддавался осмыслению на трезвую голову.

Он сидел и думал о парадоксах российской правовой реальности. О той самой реальности, в которой обычный гражданин, чтобы получить водительские права и сесть за руль подержанной «Лады», обязан принести справку из психоневрологического диспансера о том, что он здоров. Если у тебя в анамнезе есть хотя бы намек на психическое расстройство — тебе не доверят даже управление мопедом. Тебе не продадут охотничье ружье, чтобы стрелять по банкам в лесу. Тебя не возьмут на работу охранником в супермаркет. Государство будет бдительно охранять общество от твоей потенциальной неадекватности.

Но если ты хочешь ломать человеческие судьбы на федеральном уровне... Если ты хочешь возглавлять экспертные советы при Министерстве юстиции... Если ты хочешь читать лекции следователям, прокурорам и сотрудникам ФСБ, рассказывая им, кого нужно сажать в тюрьму... Для этого справка от психиатра не нужна. Для этого достаточно иметь диплом бакалавра литературы, подвешенный язык и диагноз «патологическое развитие личности», который система заботливо проигнорирует, потому что твои маниакальные теории очень удобны для штамповки уголовных дел.

Яша представил себе лицо следователя Иванова, когда эти документы лягут на стол судьи. Он представил, как будет зачитывать заключение опубликованное как заключение специалистов Центра Сербского, под протокол, глядя прямо в глаза прокурору.

— Вы посадили моего клиента, опираясь на фантазии человека, которому по медицинским показаниям нельзя доверить даже управление газонокосилкой, — произнес Яша вслух, репетируя свою будущую речь. — Вы принесли в суд бумажку, написанную пациентом, чьи решения, цитирую врачей, «регулируются внутренними неконтролируемыми побуждениями».

Розенберг нажал комбинацию клавиш, отправляя найденные документы на печать. Стоящий в углу кабинета массивный лазерный принтер ожил, зашуршал бумагой и начал выплевывать страницу за страницей.

Яша подошел к принтеру и стал собирать теплые, пахнущие свежим тонером листы. Ответ Рособнадзора об отсутствии специальности. Разгромная рецензия профессора Кузнецова. Заключение психиатров Центра Сербского.

Каждый из этих документов по отдельности был способен вызвать серьезные вопросы к квалификации эксперта. Но собранные вместе, они превращались в термоядерную бомбу, способную разнести в пыль не только обвинение против Алексея Воронова, но и всю репутацию Российской ассоциации центров изучения религий и сект.

Адвокат аккуратно сложил листы в стопку, подошел к столу и поместил их в ту самую кожаную папку, с которой все началось. Он провел ладонью по гладкой коже, чувствуя под пальцами плотность собранного досье.

В этот момент Яков Соломонович Розенберг почувствовал нечто давно забытое. Это был не просто профессиональный азарт. Это было холодное, расчетливое бешенство человека, который заглянул за кулисы respectable правосудия и увидел там кривляющегося фанатика, дергающего за ниточки человеческих жизней.

Он посмотрел на часы. Было начало третьего ночи. Город за окном спал, не подозревая о том, какие монстры бродят по его бюрократическим коридорам, прикрываясь печатями и должностями. Яша выключил настольную лампу, оставив кабинет в полумраке, освещаемом лишь уличными фонарями. Он стоял в тишине, глядя на папку с документами, и в его голове билась только одна мысль: если этот человек с таким шлейфом опубликованных медицинских документов и таким образованием смог выстроить целую империю лжи, то какие еще тайны скрывает его прошлое, о которых не знают даже психиатры, чьи выводы теперь лежали у Яши в папке?

Глава 3. Клад в интернете

Глубокая московская ночь плотным, непроницаемым саваном накрыла Старую Басманную. В кабинете Якова Соломоновича Розенберга царила та специфическая, звенящая тишина, которая наступает только после трех часов пополуночи, когда даже вечно бодрствующий мегаполис на мгновение проваливается в тяжелый, беспокойный сон. Единственным источником света оставался экран ноутбука, отбрасывавший мертвенно-бледный отсвет на лицо адвоката.

Яша сидел неподвижно. Документы, распечатанные часом ранее, аккуратной стопкой лежали в кожаной папке. Казалось бы, на сегодня можно было ставить точку. У него на руках уже были козыри, способные разнести в щепки любую линию обвинения. Но интуиция старого одессита, отточенная десятилетиями работы с самыми темными сторонами человеческой натуры, настойчиво шептала: это еще не дно.

Медицинские диагнозы и отсутствие профильного образования объясняли некомпетентность. Но они не объясняли той фанатичной, ледяной жестокости, с которой штамповались экспертизы, ломающие жизни. Здоровый человек, даже движимый жаждой наживы или карьерными амбициями, рано или поздно дает слабинку. Здесь же чувствовалась иная, пугающая константа. Неутолимая жажда разрушения, возведенная в абсолют.

Розенберг снова придвинул к себе ноутбук. Его пальцы, обычно порхающие по клавиатуре с легкостью пианиста, сейчас двигались медленно, вбивая поисковые запросы на английском языке. Если этот человек провел значительную часть своей молодости в Соединенных Штатах, именно там должны были остаться следы, которые не смыть никакими регалиями и должностями в России. Яша начал методично просеивать американские базы данных, архивы старых публикаций, форумы и оцифрованные документы. Он использовал специализированные поисковые алгоритмы, к которым привык обращаться при расследовании запутанных международных корпоративных споров.

Спустя сорок минут монотонной работы, продираясь сквозь цифровой мусор, его взгляд зацепился за одну ссылку. Она вела на книгу, название которой заставило Яшу скептически приподнять бровь: «Маньяк против Бога». Автор — Джеймс Ресслер.

Адвокат кликнул по ссылке. Документ открылся, явив миру сотни страниц плотного текста, переведенного на русский язык. Яша пробежал глазами по аннотации и биографии автора, и его скепсис начал стремительно улетучиваться, уступая место холодному, липкому напряжению.

Джеймс Ресслер не был обиженным блогером, религиозным фанатиком или желтым журналистом. Это был бывший специальный агент ФБР, ветеран отдела поведенческого анализа (BAU) в Куантико. Человек, чьей профессией на протяжении десятилетий было составление психологических профилей самых страшных серийных убийц Америки. Профайлер, который смотрел в глаза чистому злу и умел читать его следы так же легко, как Яша читал материалы уголовных дел.

— И какого же дьявола, — тихо пробормотал Розенберг в пустоту кабинета, — федеральный агент на пенсии пишет книгу о российском борце с сектами?

Он прокрутил страницу вниз, к введению. Текст захватил его с первых же строк. Ресслер писал сухо, профессионально, без лишних эмоций, и от этого контраста между академическим тоном и чудовищной сутью описываемых вещей по спине адвоката пробежал холодок. Американец объяснял свою методологию: опытного специалиста по профайлингу всегда интересуют мотивы, лежащие в основе асоциального поведения. Как преступник мыслит? Под какими масками скрывает свои истинные желания? Ресслер утверждал, что формирование личности маньяка начинается в раннем возрасте, и что, совершив тяжелое насильственное преступление, такие индивиды утрачивают способность к самоконтролю, нуждаясь в постоянной эскалации деструктивных действий.

Яша читал, как Ресслер, получив наводку от своего коллеги, начал изучать открытые источники — автобиографические книги самого Дворкина. Профайлер ФБР применил к этим текстам ту же оптику, с которой он изучал

дневники серийных маньяков. И то, что он там увидел, заставило старого агента потерять сон.

Яков Соломонович с нарастающим оцепенением узнавал о маргинальном прошлом главного инквизитора страны в США в семидесятые годы. Это была не просто история эмигранта, ищущего себя на новой родине. Это было погружение в зловонную клоаку.

Ресслер подробно анализировал период, когда будущий «эксперт» вращался в так называемой «Системе» — субкультуре советских хиппи, плавно перетекшей в американские реалии. Книга раскрывала факты тяжелой полинаркомании Дворкина в тот период его жизни. Профайлер, опираясь на тексты самого субъекта и воспоминания его окружения, описывал мир, где интенсивный, извращенный религиозный поиск неразрывно переплетался с беспорядочными связями и непрерывным наркотическим туманом.

Яша откинулся на спинку кресла и потер уставшие глаза. В его голове не укладывался этот чудовищный диссонанс. Человек, который сейчас с высоких трибун вещает о духовной безопасности, который обвиняет инструкторов по йоге в «контроле сознания», сам провел годы в состоянии перманентно измененного сознания, разрушая свою психику тяжелыми химическими препаратами.

— Полинаркомания, — произнес Яша, пробуя слово на вкус. — Значит, когда вы, Александр Леонидович, пишете о том, что дыхательные практики вводят людей в транс, вы просто проецируете свой собственный опыт кислотных трипов? Вы судите о чужом здоровье по своей собственной, давно сгнившей нейронной сети.

Но наркотики были лишь прелюдией. Лишь фоном, на котором разворачивалась истинная трагедия. Яша вернулся к экрану и начал читать следующую главу рукописи Ресслера. И с каждым прочитанным абзацем его фирменная, циничная ухмылка, с которой он обычно встречал любые мерзости этого мира, медленно сползала с лица.

Профайлер ФБР перешел к анализу формирования садистских наклонностей субъекта. Ресслер утверждал, что преступник всегда оставляет

след, даже если считает себя гением маскировки. В данном случае субъект продиктовал свою биографию в виде художественного романа, написанного его бывшим знакомым Аркадием Ровнером, а затем подтвердил эти события в собственных мемуарах. Ресслер называл это «неосознанной исповедью».

Яша впился взглядом в текст, описывающий конкретный эпизод из юности Дворкина. Эпизод, который Ресслер классифицировал как точку невозврата. Первое убийство.

История разворачивалась вокруг маленького мальчика-первоклассника. Яша читал описание сцены на заброшенной стройке, и ему казалось, что температура в его кабинете упала на несколько градусов.

Текст гласил, что будущий борец с сектами взял серый шарф и школьный портфель ребенка и швырнул их в глубокую яму, куда уже был сброшен сам первоклассник. А затем начался кошмар. Подросток начал с неистовой силой кидать в яму тяжелые камни. Он приказывал своему спутнику, мальчику по прозвищу Заикашка, делать то же самое.

Розенберг перестал дышать. Его глаза бегали по строчкам, впитывая ужас происходящего. Ребенок в яме был еще жив. Первый град камней обрушился на живого человека. Но самым страшным, как отмечал Ресслер, был смех. Истерический, торжествующий вопль существа, упивающегося чужой агонией. Существа, которое в этот момент окончательно разорвало все связи с человечеством.

Яша, адвокат, защищавший убийц, мошенников и бандитов, почувствовал тошноту. В его практике люди убивали из-за денег, из-за ревности, из-за страха или в состоянии аффекта. В этом всегда была извращенная, но понятная человеческая логика. Но то, что он читал сейчас, было иным. Это был чистый, дистиллированный садизм. Убийство ради самого процесса уничтожения. Ради власти над чужим дыханием и чужой жизнью.

Он перевел взгляд на абзац, где Ресслер давал профессиональную оценку этому эпизоду. Профайлер указывал на яркие поведенческие маркеры, характерные для организованного садистского типа серийного преступника. Ресслер обращал особое внимание на серый шарф. Для агента ФБР это был не

просто предмет одежды. Это было проявление фетишистского связывания — классический маркер острой потребности в тотальном контроле над жертвой. Шарф символизировал удушение, контроль над дыханием.

Яша нервно сглотнул. Контроль над дыханием.

Его мозг мгновенно провел параллель, от которой волосы на затылке встали дыбом. В экспертизе, из-за которой Алексей Воронов сейчас сидел в СИЗО, Дворкин обвинял инструктора по йоге в том, что тот использует дыхательные практики для подавления воли. И этот же самый человек в юности использовал шарф, чтобы физически лишить ребенка возможности дышать перед тем, как забить его камнями. Психопат проецировал свои собственные, глубоко запрятанные садистские паттерны на невинных людей. Он видел в безобидной гимнастике то, что жило в его собственной черной душе.

Розенберг встал из-за стола. Ему внезапно стало не хватать воздуха в просторном кабинете. Он подошел к окну, приоткрыл створку, впуская внутрь сырой, холодный ночной воздух Москвы. Город спал, не ведая, какие демоны бродят по его улицам, прикрываясь респектабельными костюмами и государственными должностями.

Адвокат сделал глубокий вдох, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Он вернулся к столу, но садиться не стал. Опершись руками о столешницу, он продолжил читать с экрана, нависая над ноутбуком, словно полководец над картой сражения.

Ресслер не останавливался на одном эпизоде. Профайлер раскручивал спираль безумия дальше. Он описывал, как после первого убийства психика маньяка требует компенсации, как меняется его рутина. И как неизбежно следует новое преступление, чтобы скрыть следы первого.

Яша прочитал о судьбе того самого Заикашки — единственного свидетеля расправы над первоклассником. По данным расследования, приведенным в книге, Дворкин впоследствии утопил этого мальчика. Утопил своего друга, чтобы навсегда заставить его замолчать.

Имя убитого друга резануло Розенберга по живому. Мальчика звали Яша.

Адвокат невольно вздрогнул. Совпадение было случайным, но в контексте происходящего оно прозвучало как злое предзнаменование. Маньяк убил одного Яшу в юности, чтобы скрыть свою истинную сущность. И теперь, спустя десятилетия, другой Яша стоял в ночном кабинете, срывая с него маску.

Текст Ресслера погружался в анализ психологического состояния убийцы после этих событий. Агент ФБР цитировал отрывки из текстов, написанных на основе воспоминаний субъекта. Там фигурировал образ «пустого неба». Ресслер расшифровывал эту метафору с пугающей ясностью. Для нормального человека смерть друга — это горе. Для психопата, совершившего убийство и избежавшего наказания, это триумф. «Пустое небо» символизировало отсутствие божественной кары. Это была фиксация того факта, что он выше закона, выше морали. Что он может убивать и оставаться безнаказанным.

«Серьезно только то, что накручивается на боль, на рану», — цитировал Ресслер философию субъекта. Профайлер объяснял, что для садистического типа личности нормальная жизнь, радость и созидание — это иллюзия. Единственная реальность для него — это чужая боль. Боль дает ему ощущение собственного существования.

Яков Соломонович медленно опустился в кресло. Его руки, обычно твердые как сталь, едва заметно дрожали. Он смотрел на экран, но видел перед собой не буквы. Он видел бездну.

Вся его многолетняя юридическая практика, весь его цинизм, все его умение жонглировать статьями уголовного кодекса сейчас казались детской игрой в песочнице. Он привык бороться с коррумпированными следователями, с продажными судьями, с алчными чиновниками. Это была понятная, земная грязь. С ней можно было работать. Ее можно было отмыть или использовать в своих интересах.

Но то, с чем он столкнулся сейчас, не поддавалось юридической квалификации. Это было чистое, инфернальное зло.

Ресслер писал о том, что серийный убийца никогда не останавливается сам. У психопата нет кнопки «стоп». Механизм его удовольствия требует

постоянного увеличения дозы. То, что вчера вызывало экстаз, завтра становится рутиной. Психика требует большего масштаба, большей власти.

Яша пролистал несколько страниц вперед и наткнулся на упоминание о работе субъекта в реанимационном отделении 67-й больницы. Ресслер приводил свидетельства о том, что в наркотическом угаре будущий эксперт проболтался как минимум о пяти убийствах пациентов. Больница стала для него тренировочным полигоном. Там он оттачивал навыки, учился скрывать следы и привыкал к тому, что человеческая жизнь ничего не стоит.

Но убивать тайком, в темноте больничных палат, ему стало тесно. Его патологический нарциссизм требовал публичности. Ему нужно было выйти из тени, сохранив при этом возможность уничтожать людей.

И он нашел этот способ.

Яша перевел взгляд с экрана ноутбука на пухлую кожаную папку, лежащую на краю стола. В ней покоилась та самая экспертиза, отправляющая Алексея Воронова в тюрьму.

Пазл, который не давал покоя адвокату, наконец-то обрел свои истинные, чудовищные очертания. Яша больше не видел в Дворкине просто некомпетентного фанатика. В его глазах тот выглядел человеком, сумевшим встроить свою разрушительную одержимость в государственную систему и превратить ее в общественно одобряемую миссию.

Вместо серого шарфа и камней он теперь использовал принтер и синюю печать. Вместо темных подворотен и заброшенных строек его охотничьими угодьями стали залы судов и кабинеты следователей. Он создал идеальную индустрию по уничтожению судеб, где всю грязную работу за него делала государственная машина. Он просто указывал пальцем на жертву, объявлял ее «сектантом», а дальше система сама перемалывала человека, изолировала его от общества, лишала имущества и свободы. А сам он, как представлялось Яше, стоял в стороне, под своим «пустым небом», и наблюдал за чужой агонией, упиваясь ощущением собственной безнаказанности.

Розенберг закрыл лицо руками. Тишина кабинета давила на барабанные перепонки.

Он вспомнил спокойное, полное достоинства лицо Алексея Воронова в камере СИЗО. Вспомнил его слова о том, что тюрьма — это просто пространство, а разум свободен. Воронов, сам того не ведая, столкнулся не с ошибкой следствия. Он стал случайной мишенью в глобальной, многолетней охоте серийного хищника, который питался чужими жизнями.

Яша убрал руки от лица. В его глазах больше не было ни шока, ни растерянности. Там горел холодный, безжалостный огонь. Огонь человека, который понял, что правила игры только что изменились навсегда.

Это больше не было делом о защите инструктора по йоге. Это больше не было вопросом профессиональной чести или помощи земляку с Молдаванки. Это стала война на уничтожение.

Если этот маньяк думает, что он надежно спрятался за своими профессорскими званиями и связями в силовых структурах, он совершил фатальную ошибку. Он оставил следы. Он сам задокументировал свои преступления, упиваясь собственным высокомерием. И теперь эти следы были в руках у Якова Розенберга.

Адвокат потянулся к мышке и нажал кнопку печати. Лазерный принтер в углу кабинета снова ожил, нарушив ночную тишину мерным гудением. Страница за страницей, текст книги Джеймса Ресслера ложился в приемный лоток. Каждая страница была приговором. Каждое слово профайлера ФБР было гвоздем, который Яша собирался вбить в крышку гроба этой инквизиторской империи.

Он подошел к принтеру, взял еще теплые листы и положил их на стол, рядом с официальной экспертизой РАЦИРС. Два документа лежали бок о бок. Один — написанный сухим, псевдонаучным языком, призванный легализовать беззаконие. Другой — вскрывающий гниющую, окровавленную изнанку автора первого документа.

Яша смотрел на эти бумаги, и в его голове билась только одна мысль. В суде он не сможет приобщить книгу американского профайлера к материалам дела. Судья просто отклонит ходатайство. Юридически эта книга — лишь беллетристика, мнение иностранного агента. В зале заседаний Розенбергу

придется оперировать только справками из Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского и рецензиями академиков.

Но суд — это лишь часть поля боя. Настоящая война развернется за его пределами.

Яков Соломонович подошел к окну. На востоке, над крышами московских высоток, начала пробиваться серая, холодная полоска рассвета. Ночь отступала, но мрак, который Яша только что впустил в свой кабинет, никуда не делся. Он стоял, глядя на просыпающийся город, и понимал, что теперь он не просто адвокат. Он стал хранителем тайны, способной взорвать основы целой системы. И вопрос был лишь в том, как правильно поднести спичку к этому фитилю.

Глава 4. Сеть инквизитора

Утреннее солнце, холодное и равнодушное, пробилось сквозь щели тяжелых портьер, разрезав полумрак кабинета на Старой Басманной узким пыльным лучом. Яков Соломонович Розенберг сидел в том же положении, в каком его застала глубокая ночь. Перед ним остывал нетронутый кофе, сменивший так и не допитый коньяк. Пепельница из богемского стекла была переполнена окурками дорогих сигарет.

Прошедшая ночь разделила его профессиональную жизнь на «до» и «после». Одно дело — защищать клиента от коррумпированного следователя, жадного прокурора или некомпетентного эксперта. Это была привычная, понятная экосистема российского правосудия, где у каждого поступка был свой земной, легко просчитываемый мотив: деньги, карьера, статистика раскрываемости. Но то, с чем он столкнулся, изучая материалы американского профайлера, выходило за рамки юриспруденции. Это была чистая клиническая одержимость, облеченная в форму общественной и экспертной деятельности.

Однако эмоции, даже самые сильные, к делу не пришьешь. Судье в мантии плевать на экзистенциальный ужас адвоката. Судье нужны факты, мотивы и доказательства умысла. Яша понимал: если маньяк смог выстроить целую федеральную структуру, значит, эта структура должна как-то функционировать на земле. У нее должна быть экономика, логистика, исполнители и типовые схемы работы. Психопат может быть архитектором безумия, но кирпичи в это здание закладывают вполне конкретные люди.

Розенберг потянулся к телефону. Часы показывали половину десятого утра. В Сибири сейчас был разгар рабочего дня. Он нашел в записной книжке номер Аркадия Зимина — матерого адвоката из Томска, с которым они пару лет назад пересекались на сложном арбитражном процессе. Зимин был из тех региональных волков, которые знали изнанку местной правоохранительной системы лучше, чем устройство собственного автомобиля. И, что самое главное, Яша помнил: Зимин как-то вскользь упоминал, что имел сомнительное удовольствие бодаться с местными борцами с сектами.

Гудки шли долго. Наконец на том конце провода раздался хриловатый, прокуренный баритон:

— Зимин слушает.

— Аркадий, дорогой, доброе утро. Это Яков Розенберг. Москва. Не отвлекаю от спасения невинных душ?

— Яков Соломонович! — голос сибиряка потеплел. — Какими судьбами? Неужто столичная акула решила заплывать в наши мутные воды?

— Твои воды, Аркаша, по сравнению с тем болотом, в которое я сейчас нырнул, — это кристально чистый горный ручей, — Яша потер уставшие глаза. — Мне нужна твоя консультация. Неофициальная. Скажи мне, ты ведь сталкивался в своей практике с конторой под названием РАЦИРС? И с их бессменным предводителем?

На том конце провода повисла тяжелая, многозначительная пауза. Было слышно, как Зимин чиркнул зажигалкой.

— Вляпался, значит, — без тени улыбки констатировал томский адвокат. — Кого защищаешь?

— Инструктора по йоге. Благотворительный фонд. Шьют деструктивный культ, контроль сознания и прочую эзотерическую дичь на основании их экспертизы.

Зимин тяжело вздохнул.

— Яша, послушай меня внимательно. Забудь все, чему тебя учили на юрфаке. Забудь про презумпцию невиновности, состязательность сторон и объективность следствия. Когда в деле появляется печать экспертов РАЦИРС, Уголовно-процессуальный кодекс можно использовать только в туалете. Ты думаешь, ты имеешь дело с кучкой религиозных фанатиков?

— После сегодняшней ночи я уже ни в чем не уверен, — мрачно ответил Розенберг. — Рассказывай. Как работает их механика на земле? Откуда они берут потерпевших, если мой клиент никого пальцем не тронул?

— О, это их фирменное блюдо, — усмехнулся Зимин. — Технология использования «апостатов». Запоминай термин. Апостат — это бывший участник группы, отступник. Как они делают дела? Допустим, есть успешная община, фонд или просто бизнес с крепкой корпоративной культурой. Всегда, в любом коллективе, найдется обиженный. Кого-то уволили за пьянку, кто-то не поделил деньги, от кого-то ушла жена к другому участнику группы. Обычный бытовой конфликт.

Зимин сделал затяжку и продолжил:

— И тут на сцене появляются эмиссары Дворкина. Они находят этого обиженного человека и начинают его профессионально обрабатывать. Они говорят ему: «Ты не виноват в своих неудачах. Ты не алкоголик, не лентяй и не плохой муж. Ты — жертва контроля сознания. Твою волю подавили. Тебя зомбировали». Понимаешь, Яша? Они дают человеку идеальную индульгенцию. Снимают с него любую личную ответственность за его собственные жизненные провалы.

Яша нахмурился, делая пометки на листе бумаги.

— Психологическая взятка, — констатировал он.

— Именно! — подтвердил Зимин. — Человек с радостью хватается за эту спасительную соломинку. А дальше антикультисты начинают лепить из него профессиональную жертву. Они буквально диктуют ему, что он должен говорить на допросах. Вчерашний конфликт из-за невыплаченной премии превращается в протоколе в «финансовое закабаление адепта». Обычная медитация или молитва — в «технику гипнотического подавления личности». Они создают фейковых потерпевших из воздуха. А следователю только того и надо — у него есть заявление, есть «экспертиза» РАЦИРС, подтверждающая слова заявителя. Дело в шляпе, палка в отчете, звездочка на погонах.

— Красиво, — процедил Розенберг. — Иезуитски красиво. Но ради чего весь этот спектакль? Не поверю, что они тратят столько ресурсов просто из любви к искусству или ради религиозной чистоты. Где деньги, Аркаша?

— А вот тут мы переходим к самому вкусному, — голос Зимина стал жестким. — Ты спрашиваешь, где деньги? Они в недвижимости, в активах, в зачистке рынков. РАЦИРС — это прекрасно отлаженная индустрия вокруг которой часто возникают интересы, связанные с активами, репутацией и переделом рынков. Они работают как корпоративные киллеры.

— Давай с конкретикой, — Яша включил громкую связь и придвинул к себе клавиатуру ноутбука.

— Пожалуйста. Записывай. Дело центра «Рожана». Слышал о таком?

— Перинатальный центр? Что-то мелькало в прессе лет десять назад.

— Не просто центр, Яша. В 1989 году Жанна Цареградская основала Центр перинатального воспитания и поддержки грудного вскармливания «Рожана». За несколько лет они стали одной из самых заметных российских структур в области естественного материнства. Изначально это была некоммерческая структура, но со временем проект выстрелил. Он стал заметным и коммерчески значимым. И как только запахло большими деньгами, начались проблемы.

Зимин выдержал паузу, давая Розенбергу зафиксировать даты.

— В 2006 году Цареградскую внезапно обвиняют в создании секты под видом перинатального центра. В 2008 году против «Рожаны» начинается массированная, скоординированная атака в СМИ. И знаешь, кто дирижировал этим хором? Правильно, сектоведы. А в 2010 году деятельностью центра вплотную занялись силовики. Итог: Жанну Цареградскую задержали, ее муж оказывается за решеткой. Бизнес уничтожен.

— Классическая схема отжима, — кивнул Яша, хотя Зимин не мог его видеть. — Но кто заказчик?

— А ты посмотри на рынок, — усмехнулся сибиряк. — Сама Цареградская кричала на всех углах, что это рейдерский захват. Массированные нападки на «Рожану», организованные Дворкиным, удивительным образом совпали по времени с выходом на рынок конкурирующей структуры — сети клиник. Для них «Рожана» была прямым конкурентом. А теперь вишенка на торте, Яша: сеть клиник торгуется на Лондонской фондовой бирже. Стоимость ее акций исчисляется сотнями миллионов долларов.

Розенберг присвистнул. Масштаб впечатлял.

— То есть, — медленно проговорил Яша, складывая в уме цифры, — главный борец с сектами всея Руси, прикрываясь заботой о духовном здоровье нации, фактически выполнил заказ по зачистке рынка для корпорации с листингом в Лондоне?

— Блестяще выполнил, — подтвердил Зимин. — Аналитики с Уолл-стрит удавились бы от зависти, увидев такую эффективность конкурентной борьбы. Зачем демпинговать, зачем улучшать качество услуг, если можно занести денег РАЦИРС, и они объявят твоего конкурента «тоталитарной сектой»? А дальше ОМОН, маски-шоу, аресты счетов и уголовные дела. Идеальный механизм. Они ездят по стране, фабрикуют фальшивые экспертные заключения, дают показания в судах против людей, которых в глаза не видели. Они разрушили плоды многолетнего труда сотен успешных предпринимателей.

— Аркаша, скинь мне все материалы по «Рожане» и судебную практику по апостатам, которую сможешь найти, — попросил Розенберг. — Мне нужна фактура.

— Уже летит тебе на почту. Там целый архив. Почитай методички их региональных представителей. Волосы дыбом встанут. Удачи тебе, Яков. Она тебе понадобится.

Связь прервалась. Яша открыл электронную почту. Письмо от Зимина уже висело во входящих. Прикрепленный архив весил несколько десятков мегабайт.

Адвокат распаковал файлы. Перед ним открылась бездна цинизма, зафиксированная в открытых публикациях. Это были не секретные протоколы, не украденные переписки. Это были открытые публикации, методические пособия и интервью деятелей РАЦИРС. Они настолько уверовали в свою безнаказанность, что даже не пытались скрывать свои методы.

Яша открыл документ, озаглавленный как выдержка с сайта антикультиста Виталия Питанова. Текст представлял собой крайне жесткую инструкцию по дискредитации оппонентов. Розенберг начал читать вслух, вслушиваясь в каждое слово:

— «На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать. Этот метод может в какой-то степени помочь в профилактике в том случае, когда удастся показать, что учение сект поощряет и одобряет такую деятельность её последователей, которая с точки действующего законодательства является криминальной».

Яша откинулся в кресле. «При желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать». Вот она, квинтэссенция их правосознания. Для Яши это звучало как публичное признание допустимости манипулятивных методов. И это писал человек, чьи тексты циркулировали в антикультовой среде.

Он открыл следующий файл. Это был отчет некоего Максима Степаненко, руководителя миссионерского отдела из Томска. Тот самый региональный уровень, о котором говорил Зимин. Степаненко откровенно хвастался своей эффективностью в информационном поле.

«Для примера, в 2011 году мною, совершенно “неправильным” и “малообразованным” миссионером (да ещё и коновалом!) написано почти 170 статей, новостных сообщений, ответов на вопросы читателей... организован приезд профессора Александра Дворкина, создан специальный раздел, посвящённый суду над “Бхагавад-гитой как она есть”».

А дальше шла фраза, от которой веяло ледяным холодом цифрового террора:

«За четыре года... обзавелся многими знакомствами, друзьями, помощниками, сочувствующими. Это и объясняет мою осведомлённость, слава интернету и социальным сетям! Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит, какие у них планы, телефоны, адреса...».

Розенберг представил этого человека. Сидит где-то в Сибири перед монитором, пьет чай и за полчаса собирает досье на людей, чтобы потом натравить на них государственную машину. Никаких мук совести. Никаких сомнений. Только слепая, фанатичная уверенность в своем праве разрушать чужие жизни.

Яша вспомнил анализ структуры этой сети, описанной в книге Джеймса Ресслера “Маньяк против Бога”. Профайлер ФБР четко указывал, что антикультовое движение выстроило многоуровневую систему, где есть свои идеологи, свои боевики в информационном поле и даже свои карманные «правозащитники». Ресслер описывал, как эти псевдоправозащитные ячейки виртуозно прикрываются деятельностью по защите жертв. Когда очередная группа попадает под каток дегуманизации РАЦИРС, появляются юристы, которые намеренно уводят дела в плоскость банальных административных исков о защите чести и достоинства, не позволяя вскрыть реальный уголовный состав — информационный терроризм и доведение до суицида. Они обеспечивают садистам легальное прикрытие.

Всё сходилось. Это была не просто кучка маргиналов. Это был спрут, опутавший своими щупальцами суды, следственные комитеты, прессу и даже адвокатуру.

Яша открыл последний файл из архива Зимина. Это была цитата из главной книги самого Дворкина — «Сектоведение». Зимин выделил этот абзац красным маркером. Розенберг начал читать, и с каждым предложением в его голове складывался финальный, самый страшный элемент мозаики.

Дворкин писал о том, как функционируют тоталитарные секты:

«Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства, то все они ставят собственные интересы выше закона. Им всем присуща “двойная мораль” и “двойной стандарт”. Если их члены уверены, что цель, поставленная ими перед собой, “праведна” и “справедлива”... они не остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть, ввести человека в заблуждение, прибегнуть к контролированию сознания своих собратьев или, в конце концов, оклеветать должностных лиц и общественных деятелей, оказывающих им сопротивление, и даже физически устранить неугодного им человека (или группу лиц). По существу, мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему руководству».

Яков Соломонович перечитал этот абзац трижды.

В кабинете повисла звенящая тишина. Ирония, сарказм, профессиональный цинизм — все те защитные механизмы, которыми Розенберг пользовался десятилетиями, внезапно испарились. Остался только холодный, расчетливый, кристально чистый гнев.

Он смотрел на текст и видел в нем идеальное, зеркальное отражение самой системы РАЦИРС.

Дворкин, сам того не понимая, сформулировал признаки своей собственной организации. Он дал исчерпывающее определение тому, что создал.

«Цель оправдывает средства»? Именно так они фабрикуют компромат, о чем прямо заявляет Питанов. «Ставят собственные интересы выше закона»? Именно так они ломают судьбы через заказные экспертизы и рейдерские захваты, как в деле «Рожаны». «Не остановятся перед тем, чтобы солгать, оклеветать»? Именно так они используют «апостатов» для создания ложных показаний. «Мафиозные структуры, скованные железной дисциплиной и

беспрекословным повиновением своему руководству»? Это точное описание сети региональных отделений, беспрекословно штампующих экспертизы по лекалам своего московского гуру.

Яша вспомнил еще одну цитату Дворкина, попавшуюся ему на глаза: «Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит ещё больше денег».

Пазл сошелся окончательно, обнажив свою уродливую суть.

РАЦИРС переставал быть просто антикультовой ассоциацией и начинал выглядеть как замкнутая идеологическая система, сумевшая убедить государство в своей полезности и встроиться в механизмы давления на неудобных.

Они маскировались под общественные организации, под центры реабилитации, под миссионерские отделы. Как говорил один из их же деятелей, Заев: «Излюбленный приём многих сект — создание различных дочерних организаций... За этим благопристойным фасадом порой очень трудно разглядеть истинное положение вещей». Они проецировали свои собственные методы на своих жертв.

Розенберг встал из-за стола. Он подошел к окну и посмотрел на залитую утренним солнцем улицу. Люди спешили на работу, машины стояли в пробках, город жил своей обычной, суетливой жизнью. Никто из этих прохожих не подозревал, что прямо сейчас, в эту самую минуту, где-то в недрах этой невидимой империи кто-то сидит за компьютером и за полчаса решает, чью жизнь разрушить следующей. Чей бизнес отнять. Кого объявить врагом народа.

Яша вернулся к столу. Он взял чистый лист бумаги из плотного желтого картона — свой любимый формат для подготовки к судебным прениям — и достал перьевую ручку.

Его подзащитный, Алексей Воронов, инструктор по йоге, был не просто случайной жертвой. Он был песчинкой, попавшей в жернова гигантской индустрии, перемалывающей человеческие судьбы в звонкую монету и административный ресурс.

Розенберг начал методично, пункт за пунктом, выписывать на картон структуру обвинения, которое он собирался предъявить не в суде, а всему обществу. Он больше не собирался просто защищаться. Защищаться от мафии бессмысленно — она просто придет за тобой завтра. Мафию можно только уничтожить, вытащив ее методы на свет.

Он вывел на бумаге крупными буквами: «ФАБРИКАЦИЯ. АПОСТАТЫ. РЕЙДЕРСТВО».

Яков Соломонович Розенберг, адвокат, привыкший работать за большие гонорары, впервые в жизни почувствовал, что готов заплатить любую цену сам, лишь бы сломать хребет этой твари. Он смотрел на исписанный лист, и в его глазах отражалась ледяная решимость человека, объявившего войну империи инквизиторов. Войну, в которой пленных брать не предполагалось.

Глава 5. Сбор козырей и бесстрашие

Воздух в допросной комнате следственного изолятора был густым, спертым и отдавал застарелым запахом дешевого табака, сырой штукатурки и чужого страха. Следователь по особо важным делам, майор юстиции Игорь Николаевич Иванов, потел. Крупные капли катились по его красноватому, одутловатому лицу, впитываясь в воротник форменной рубашки. Он расхаживал вдоль привинченного к полу стола, периодически срываясь на крик, и всем своим видом демонстрировал ту специфическую, казенную агрессию, которая обычно безотказно ломала интеллигентов в первые же дни ареста.

По ту сторону стола, на жестком табурете, сидел Алексей Воронов. Его спина оставалась идеально прямой, дыхание — ровным, а взгляд ясных глаз выражал лишь вежливое, слегка отстраненное недоумение. Он смотрел на

беснующегося майора так, словно наблюдал за шумным, но совершенно безопасным явлением природы.

— Ты дурака мне тут не валяй, Воронов! — рявкнул Иванов, с размаху ударив пухлой ладонью по столешнице. Звук получился громким, но арестант даже не моргнул. — Ты думаешь, твои медитации тебе здесь помогут? Думаешь, твой дорогой адвокат тебя вытащит? Да плевать он на тебя хотел! Он с тебя деньги сдерет и умоет руки. А ты поедешь на зону. Надолго поедешь. У меня на столе экспертиза, которая черным по белому доказывает: ты — лидер деструктивной группировки. Ты людям мозги промывал! Подписывай чистосердечное, пока я добрый. Оформим деятельное раскаяние, получишь ниже низшего предела. Не подпишешь — я тебя сегодня же переведу в такую камеру, где ты забудешь, как дышать. Будешь спать по очереди у параша и молиться, чтобы я снова вызвал тебя на допрос!

Воронов спокойно сложил руки на коленях.

— Игорь Николаевич, — его голос звучал тихо, но отчетливо. — Я уже говорил вам. Я не совершал никаких преступлений. Мой фонд занимался благотворительностью и спортом. Я не буду оговаривать себя в угоду вашей статистике. И я настоятельно прошу дождаться моего защитника.

— Защитника он ждет! — Иванов саркастично расхохотался, брызнув слюной. — Твой Розенберг сейчас, наверное, в ресторане устрицы жрет. Ему до твоих проблем...

Тяжелая металлическая дверь допросной со скрежетом распахнулась, ударившись о бетонную стену. На пороге стоял Яков Соломонович Розенберг. На нем был безупречный темно-синий костюм в тонкую полоску, белоснежная сорочка и галстук, стоимость которого превышала месячный оклад следователя. В левой руке он держал свой неизменный кожаный портфель.

Яша неторопливо переступил порог, брезгливо оглядел обшарпанные стены, затем перевел взгляд на потного майора.

— Майор, вы так усердно дышите и так громко кричите, что я начинаю подозревать у вас несанкционированную пранаяму, — голос Розенберга был обманчиво мягким, с легкой, почти музыкальной одесской интонацией. —

Смотрите, увлечетесь гипервентиляцией легких, потеряете критическое мышление, и ваши же коллеги оформят вас как адепта тоталитарного культа.

Иванов побагровел.

— Яков Соломонович, вы опоздали на двадцать минут! Я имею полное право проводить следственные действия...

— Вы имеете полное право молчать, когда с вами разговаривает адвокат, — ледяным тоном оборвал его Яша, мгновенно сбросив маску ироничного наблюдателя. Он подошел к столу и бросил на него свой портфель. — Право обвиняемого на помощь защитника, предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом. Вы сейчас пытаетесь оказать психологическое давление на моего клиента в мое отсутствие. Угрожали ему переводом в пресс-хату.

— Ничего подобного! — возмутился следователь, но его глаза предательски забегали. — Это рабочая беседа!

— Рабочая беседа? — Яша хищно оскалился. — В две тысячи восемнадцатом году капитан Смирнов из Басманного отдела тоже очень любил проводить «рабочие беседы» с моими клиентами. Орал, угрожал, обещал сгноить в карцере. Знаете, где сейчас капитан Смирнов, Игорь Николаевич? Он охраняет шлагбаум в подмосковном гаражном кооперативе. Потому что после моих жалоб в Генеральную прокуратуру и Управление собственной безопасности Следственного комитета его вышвырнули из органов с волчьим билетом. Вы хотите составить ему компанию? Я могу это устроить. У меня богатый опыт трудоустройства излишне ретивых силовиков в сферу неквалифицированного физического труда.

Иванов тяжело сглотнул. В юридических кругах Москвы репутация Розенберга была известна всем. Этот старый волк никогда не бросал слов на ветер. Если он обещал уничтожить карьеру — он ее уничтожал, методично, по букве закона, заваливая инстанции железобетонными жалобами.

— Допрос окончен, — процедил следователь, собирая со стола пустые бланки протоколов. — Но вы не радуйтесь, Розенберг. Против экспертизы вы не попрете. У нас железобетонная доказательная база.

— Ваша база, майор, сделана из субстанции, которая обычно плавает в проруби, — парировал Яша, не глядя на него. — Свободны. Оставьте нас наедине с подзащитным.

Когда за Ивановым захлопнулась дверь, Яша повернулся к Воронову. Инструктор по йоге оставался таким же невозмутимым, как и до прихода адвоката.

— Вы как, Леша? — спросил Розенберг, присаживаясь на стул, который только что освободил следователь. — Этот деятель не успел применить к вам меры физического воздействия?

— Нет, Яков Соломонович. Только кричал. Пытался вывести из равновесия.

Яша тяжело вздохнул, достал из внутреннего кармана пиджака шелковый платок и протер очки.

— Вы держитесь молодцом, Леша. Но вы должны понимать, с чем мы имеем дело. То, что сейчас исполнял этот потный майор — это детский лепет. Самодеятельность. Настоящая система, которая заказала ваше дело, работает гораздо страшнее.

Адвокат подался вперед, понизив голос.

— Я недавно изучал материалы о том, как эта инквизиторская сеть расправляется с теми, кого они назначают своими врагами. В частности, с представителями религиозных меньшинств. Вы думаете, они ограничиваются криками на допросах? Нет. У них есть отработанная технология расчеловечивания.

Яша вспомнил сухие, страшные строки из отчетов правозащитников, которые он читал накануне.

— Все начинается с того момента, как человек пересекает порог изолятора временного содержания. Его лишают имени. Он становится просто существом. Начинаются унизительные обыски. Человека раздевают догола, заставляют приседать, оттягивать щеки, поднимать язык. И это повторяется каждый раз при выводе из камеры. Цель — растоптать человеческое достоинство в первые же часы.

Воронов внимательно слушал, не перебивая.

— А потом начинаются пытки, — продолжил Розенберг, и в его голосе зазвучал металл. — Не иголки под ногти, нет. Мы же в двадцать первом веке. Человека помещают в полуподвальный изолятор. Полтора на три метра. Открытый унитаз. Две видеокамеры, которые снимают круглосуточно. Свет не выключается никогда. Ты теряешь ориентацию во времени. А в шесть утра из хриплого динамика, вмонтированного в вытяжку, на полную громкость включают музыку. И этот скрежет, этот невыносимый шум бьет по барабанным перепонкам до десяти вечера. И так десять, двенадцать дней подряд. Голова раскалывается, психика начинает сдавать. А потом приходит такой вот ласковый опер и предлагает «сотрудничество».

Яша посмотрел прямо в глаза своему клиенту.

— Вот что они хотели бы сделать с вами, Леша. Они хотят, чтобы вы сломались и признали себя монстром. Но я им этого не позволю. Вы будете сидеть здесь, дышать ровно и молчать. А я буду бить их по рукам.

— Я не боюсь, Яков Соломонович, — спокойно ответил Воронов. — Пусть включают музыку. Пусть не выключают свет. Моя свобода внутри меня.

— Ваша свобода скоро будет снаружи, — отрезал Яша, поднимаясь. — Я запускаю международную процедуру. Мы вытащим на свет столько грязи об этих так называемых экспертах, что они сами будут проситься в одиночную камеру, лишь бы спрятаться от позора.

Через два часа Яков Соломонович уже сидел в своем кабинете на Старой Басманной. Московский трафик остался позади, уступив место тишине и сосредоточенной работе.

Он прекрасно понимал: чтобы разгромить обвинение, недостаточно просто прочитать книгу американского профайлера. Суд в Российской Федерации — это бюрократическая машина, которая питается исключительно бумагами с печатями. Книга Джеймса Ресслера, какой бы шокирующей она ни была, для судьи — просто беллетристика. Мнение иностранного гражданина. Чтобы превратить эти факты в юридическое оружие, их нужно было легализовать.

Яша придвинул к себе стопку фирменных бланков адвокатского кабинета «Розенберг и партнеры». Ему предстояла масштабная бумажная работа.

Он начал составлять официальные адвокатские запросы в Соединенные Штаты Америки. Процедура оказания международной правовой помощи была долгой и муторной, но Яша знал обходные пути. У него были связи.

Он снял трубку стационарного телефона и набрал номер с кодом Нью-Йорка. На том конце ответили после третьего гудка.

— Боря? Шалом, дорогой. Это Яков из Москвы.

Борис Гринберг, старший партнер нью-йоркской юридической фирмы и давний приятель Розенберга еще со времен бурных девяностых, радостно загудел в трубку.

— Яша! Какими судьбами? Опять твои олигархи делят активы в Делавэре?

— Бери выше, Боря. Я тут выхожу на крупного зверя. Мне нужна твоя помощь. Официальная. Я отправляю тебе пакет запросов. Мне нужны выписки из полицейских архивов Нью-Йорка за период с семьдесят шестого по семьдесят девятый год. Задержания за бродяжничество, приводы в участок за наркотики. Любые записи на конкретную фамилию.

— Полицейские архивы семидесятых? — Гринберг на том конце провода присвистнул. — Яша, этот гембель выльется в такую сумму, шо мне станет неловко перед твоей мамой.

— Боря, я тебя умоляю, не делай мне нервы подсчетами! — перебил его Яша с влажным одесским нажимом. — Какие деньги между своими? Я тут даром вытаскиваю нашего земляка с Молдаванки, которого один поц-инквизитор решил пустить на фаршмак. Неужели ты выставишь мне счет за нашу общую совесть?

— Ладно, уговорил, — вздохнул Гринберг. — За архивы сочтемся как-нибудь в Одессе.

— Мне также нужны ответы из Хантер-Колледжа и Фордхемского университета по дипломам. Подтверждение статуса, академические справки. И чтоб на каждой стоял апостиль, заверенный госсекретарем штата. Считаю, что

ты делаешь мицву, Боря. За официальные пошлины я, так и быть, переведу копеечку, а остальное — чисто по-братски. Покажем этому лжепрофессору, что когда два еврея берутся за правду, у лжи просто не остается шансов.

— Сделаем, — серьезно ответил американец. — Скидывай данные.

Закончив разговор, Яша отправил сканы запросов по защищенному каналу связи. Первый шаг к легализации был сделан. Теперь оставалось ждать. Но сидеть сложа руки Розенберг не умел.

Он снова открыл на экране ноутбука файл с рукописью. Ему нужно было глубже понять природу страха своего врага. Если ты хочешь уничтожить противника, ты должен знать, чего он боится больше всего.

Яша погрузился в ретроспективный анализ поведения главного инквизитора. В книге Джеймса Ресслера “Маньяк против Бога”, автор с хирургической точностью препарировал противоречия в публичных выступлениях объекта.

Яша читал фрагменты, где Ресслер сравнивал два разных текста. В интервью тысяча девятьсот семьдесят девятого года, данном для проекта о советских иммигрантах, молодой Дворкин со смехом, почти бравируя, рассказывал о своих столкновениях с милицией в период бродяжничества. Он описывал, как его задерживали «через день в каждом городе», как его посадили на две недели в Херсоне за неподтвержденную личность. В том старом интервью это звучало как веселая байка хиппи-диссидента.

Но затем Ресслер приводил цитату из автобиографической книги «Моя Америка», написанной десятилетия спустя. И там тональность менялась кардинально. Описывая свой отъезд из СССР и прохождение таможни, автор признавался в животном, парализующем ужасе. Он писал о дрожи в коленках, об обморочном состоянии, о страхе до смерти при виде капитана-пограничника. Ему казалось, что его сейчас уведут по подземным переходам и навсегда закроют в тюрьме. Этот же страх преследовал его в эмиграции в виде повторяющегося ночного кошмара: он возвращается домой, к нему подходит наряд милиции, сажает в «воронок», и он понимает, что впереди только долгие годы тюрьмы.

Розенберг вчитывался в комментарии американца. Ресслер утверждал, что такое противоречие — это классический маркер латентного чувства вины. При отсутствии реальной политической угрозы (ведь он уезжал легально), субъект испытывал навязчивый, параноидный страх разоблачения. В криминальной психологии это свойственно лицам, скрывающим тяжкие, нераскрытые преступления. Они убеждены, что представители власти «знают правду».

— Значит, ты боишься, — тихо произнес Яша, глядя на экран. — Ты до дрожи в коленках боишься людей в форме. И именно поэтому ты решил стать для них своим. Ты прислонился к силовикам, чтобы они тебя защищали. Классическая мимикрия труса.

Но дальше текст Ресслера становился еще более мрачным. Профайлер анализировал литературные опыты объекта, выискивая в них бессознательные проекции.

Яша дошел до разбора сцены, которую Ресслер назвал «визуальным якорем». В одном из текстов автор описывал свой панический ужас при виде собственной крови на снегу после случайного пореза. «Очень меня испугала кровь на снегу... вышло темное, густое, мучившее».

Ресслер объяснял это явление как смещение аффекта. Красное на белом. Контраст, который мгновенно возвращает психику в момент первичной травмы — к сцене убийства. Для девиантной личности вид крови становится триггером, сбрасывающим напряжение.

Следом шел анализ пугающей диссоциации. Описывая травмированную конечность, автор писал: «Все, что случилось потом, наматывалось на руку, которую я нес перед собой, как сверток».

Яша, как юрист, много раз читавший материалы психиатрических экспертиз настоящих убийц, узнал этот паттерн. Преступник объективирует свою руку. Он отделяет от себя ту часть тела, которая совершала насилие. Рука, державшая камень или душившая жертву, превращается в чужеродный предмет, в грязный сверток, который невозможно отмыть.

И финальный аккорд — описание лица мертвеца. «Черное с ввалившимися глазами... чтобы столько в них муки и серьезности». Ресслер указывал, что это

не воспоминание о живом друге. Это флэшбэк-проекция лица человека, погибшего от асфиксии или тяжелой травмы. Лица, искаженного предсмертной мукой.

Розенберг откинулся в кресле. Картина была кристально ясной. Человек, который сейчас ломал жизнь Алексею Воронову, был глубоко травмированным, параноидальным психопатом, чье подсознание было переполнено образами крови, удушья и предсмертных мук. И этот человек получил в свои руки власть над судьбами граждан целой страны.

В этот момент тишину кабинета разорвал резкий, дребезжащий звонок.

Звонил не рабочий аппарат и не личный смартфон Яши. Звук исходил от дешевого кнопочного телефона, который Розенберг держал в ящике стола исключительно для экстренной связи с определенным кругом лиц. Этот номер знали от силы пять человек в городе.

Яша медленно выдвинул ящик, достал аппарат и нажал кнопку приема.

— Слушаю, — ровным голосом произнес он.

На том конце провода повисла секундная пауза, сопровождаемая легким статическим треском. Затем раздался мужской голос. Он был искусственно искажен, лишен интонаций, но от него веяло холодной, уверенной в себе угрозой.

— Яков Соломонович. Добрый день.

— Смотря для кого, — парировал Яша. — Вы кто такой и откуда у вас этот номер?

— Это не имеет значения, — сухо ответил голос. — Имеет значение то, что вы начали копать там, где копать не следует. Вы отправляете запросы за океан. Вы задаете неправильные вопросы правильным людям.

Яша мгновенно подобрался. Значит, система уже зафиксировала его активность. Утечка могла произойти где угодно — от канцелярии до провайдера связи. Спрут действительно контролировал многое.

— Я выполняю свою работу, — спокойно ответил адвокат. — Защищаю клиента.

— Ваш клиент — отработанный материал, — отрезал незнакомец. — Инструктор по йоге поедет в колонию. Это решенный вопрос. Экспертиза утверждена на самом верху. Если вы попытаетесь устроить шоу в суде или вытащить на свет старое грязное белье уважаемых людей, у вас возникнут серьезные проблемы.

— Вы мне угрожаете? — Яша усмехнулся. — Молодой человек, я в этой профессии тридцать лет. Меня пугали бандиты в девяностых, коррумпированные генералы в нулевых и рейдеры в десятых. Встаньте в очередь.

— Времена изменились, Яков Соломонович, — голос в трубке стал еще тише, почти перейдя на шепот. — Бандиты стреляли. Мы работаем тоньше. У вас безупречная репутация в адвокатской палате. Будет очень жаль, если квалификационная комиссия внезапно обнаружит грубые нарушения в вашей финансовой отчетности и лишит вас статуса. Навсегда.

Яша молчал, позволяя собеседнику выговориться.

— А кроме того, — продолжил голос, — Москва — очень скользкий город. Особенно по вечерам. Люди в вашем возрасте часто падают. Ломают шейку бедра. Получают тяжелые черепно-мозговые травмы. Иногда со смертельным исходом. Подумайте об этом, Яков Соломонович. Откажитесь от Воронова. Сошлитесь на здоровье. И живите долго и счастливо.

Связь оборвалась. В трубке зазвучали короткие гудки.

Яков Соломонович Розенберг медленно опустил телефон на стол.

Любой нормальный человек на его месте почувствовал бы страх. Угроза лишения статуса для адвоката его уровня означала крах всей жизни, потерю практики, влияния и доходов. Угроза физической расправы от структуры, которая безнаказанно ломает судьбы по всей стране, была более чем реальной. Они могли организовать нападение в подъезде, подстроить ДТП, подбросить

наркотики. У них был для этого весь необходимый административный и силовой ресурс.

Но Яша не был нормальным человеком в обывательском понимании этого слова. Он был уроженцем одесской Молдаванки. Мальчиком, выросшим на улицах, где слабость не прощалась, а на любую угрозу принято было отвечать ударом на опережение.

Вместо липкого, парализующего страха, который должен был сковать его волю, Яша почувствовал, как по венам разливается горячий, пульсирующий адреналин. Его сердце забилося ровно и мощно. Губы растянулись в широкой, искренней и абсолютно безжалостной улыбке.

Он встал из-за стола и подошел к панорамному окну. Внизу, в сгущающихся сумерках, шумела Старая Басманная. Зажигались фонари, фары машин сливались в сплошные красные и белые реки.

Они совершили фатальную ошибку. Они попытались взять его на испуг.

Если бы они просто молчали, если бы они игнорировали его запросы, он бы просто выполнил свою работу — развалил дело в суде и вытащил Воронова. Но они решили угрожать ему. Они посягнули на его независимость. Они попытались указать старому волку, где его место.

Яша смотрел на свое отражение в темнеющем стекле. В его глазах горел хищный, первобытный азарт. Обостренное чувство справедливости, которое он годами прятал за маской дорогого цинизма, сейчас вырвалось наружу, сметая все преграды. Он физически не мог отступить перед этим беспределом. Каждое слово угрозы, прозвучавшее в телефоне, лишь подтверждало правоту выводов американского профайлера. Они боятся. Они в панике. Их империя, построенная на лжи и чужой крови, начинает трещать по швам от одного только факта, что кто-то начал задавать вопросы.

— Вы хотите войны? — тихо, почти ласково произнес Яков Соломонович, обращаясь к невидимому собеседнику по ту сторону стекла. — Вы ее получите. Я не просто лишу вас вашей экспертизы. Я выверну вашу гнилую систему наизнанку перед всей страной. Я заставлю вас захлебнуться вашим собственным страхом.

Он резко отвернулся от окна, подошел к столу и решительным жестом открыл свой ежедневник. Завтра предстоял тяжелый день. Нужно было подготовить ходатайства, встретиться с прессой и дожидаться первых ответов из Нью-Йорка. Охота перешла в активную фазу, и Розенберг собирался гнать эту дичь до самого конца, не оставляя ей ни единого шанса на спасение.

Глава 6. Бенефис Розенберга

Зал судебных заседаний Басманного районного суда города Москвы был забит до отказа. Журналисты федеральных изданий, независимые репортеры, операторы с тяжелыми камерами и просто зеваки стояли в проходах, теснились на жестких деревянных скамьях и подпирали обшарпанные стены. Дело Алексея Воронова, инструктора по йоге, обвиняемого по делу о создании организации, которую следствие считает деструктивной сектой, привлекло беспрецедентное внимание прессы.

В центре этого бурлящего человеческого моря, за пуленепробиваемым стеклом современного судебного «аквариума», сидел сам подсудимый. Его глаза были полуприкрыты, а на лице блуждала легкая, почти неуловимая тень спокойной улыбки. Он выглядел не как человек, которому грозит многолетний срок лишения свободы, а как зритель, случайно попавший на затянувшуюся и довольно бездарную театральную постановку.

По правую руку от судьи, за столом обвинения, возвышался государственный обвинитель — советник юстиции Смирнов. Молодой, амбициозный, с гладко зачесанными волосами и красными пятнами на щеках, он уже сорок минут монотонно, сбиваясь на сложных терминах, зачитывал обвинительное заключение.

— ...таким образом, подсудимый Воронов, используя техники так называемой хатха-йоги, целенаправленно вводил потерпевших в состояние измененного сознания, — бубнил прокурор, утирая пот со лба бумажным

платком. — Согласно выводам комплексной психолого-лингвистической и религиозно-экспертной экспертизы, проведенной Российской ассоциацией центров изучения религий и сект, данные практики являются инструментом жесткого психологического доминирования. Эксперт однозначно указывает, что благотворительные сборы фонда являлись формой финансового закабаления адептов, а дыхательная гимнастика — способом подавления критического мышления. На основании вышеизложенного, сторона обвинения считает вину подсудимого полностью доказанной...

За столом защиты царил абсолютный, ледяной покой. Яков Соломонович Розенберг сидел, слегка откинувшись на спинку неудобного казенного стула. На нем был сшитый на заказ темно-синий костюм из тончайшей английской шерсти, белоснежная сорочка с запонками и галстук приглушенных тонов. Перед ним на столе в идеальном порядке лежали несколько листов плотного желтого картона, исписанных убористым почерком, и массивная перьевая ручка.

Яша слушал прокурора вполуха. Он знал эту речь наизусть. Он знал каждую логическую дыру, каждую передернутую фразу, каждую псевдонаучную глупость, заложенную в фундамент этого обвинения. Старый одесский волк не просто готовился к защите — он готовился к публичной казни.

— У стороны обвинения всё, Ваша честь, — выдохнул Смирнов и тяжело опустился на стул, победоносно глянув в сторону прессы.

Председательствующая судья Климова, грузная женщина с усталыми глазами, поверх очков посмотрела на адвоката.

— Сторона защиты. Вам слово.

Яков Соломонович неторопливо поднялся. Он застегнул верхнюю пуговицу пиджака, взял в руки один из желтых листов и медленно обвел взглядом зал. Шум мгновенно стих. Журналисты замерли, операторы направили объективы на фигуру адвоката. Розенберг умел держать паузу. Он знал, что тишина — это самое мощное оружие оратора.

— Ваша честь, — голос Яши зазвучал негромко, но благодаря идеальной дикции и глубокому баритону каждое слово отчетливо разносилось по залу. — Я

внимательно выслушал уважаемого государственного обвинителя. И, признаться честно, нахожусь в глубоком эстетическом и профессиональном замешательстве.

Он сделал несколько шагов из-за стола, оказавшись прямо перед судейской кафедрой.

— Нам предлагают отправить за решетку здорового, адекватного человека, занимающегося спортом и благотворительностью. И на чем же строится это требование? Где потерпевшие с реальными травмами? Где похищенные миллионы? Где оружие, наркотики, призывы к свержению строя? Их нет. В материалах дела зияет звенящая пустота. Единственное, на чем держится вся эта колоссальная, неповоротливая конструкция обвинения — это вот эта бумага.

Яша безглаголиво, двумя пальцами, поднял со стола копию экспертизы и потряс ею в воздухе.

— Комплексная экспертиза. Звучит солидно, не правда ли? Но давайте заглянем внутрь этого лингвистического шедевра. Уважаемый прокурор только что процитировал нам пассаж о том, что глубокое дыхание подавляет критическое мышление. Ваша честь, если следовать этой логике, то нам следует немедленно арестовать всех беременных женщин, посещающих курсы подготовки к родам. Они там дышат по специальным методикам. Очевидно, готовят экстремистское подполье в стенах роддомов. Нам нужно закрыть все секции плавания, потому что задержка дыхания под водой — это явный признак тоталитарного контроля над личностью.

По залу прокатился сдавленный смешок. Судья Климова нахмурилась, но перебивать не стала.

— Это было бы смешно, если бы не было так страшно, — тон Розенберга резко изменился, став жестким и хлестким. — То, что мы видим в этом документе — это не наука. Это агрессивная, воинствующая антинаучная дичь, облеченная в форму юридического документа. И мы сталкиваемся с этим далеко не в первый раз.

Яша взял со стола другой лист.

— Чтобы суд понимал, что мы имеем дело не с разовой ошибкой, а с системной фальсификацией, я хочу обратиться к судебной практике. Двадцать восьмого декабря две тысячи одиннадцатого года в Ленинском районном суде города Томска рассматривалось аналогичное дело. Там тоже фигурировала так называемая «экспертиза», выполненная в Кемеровском государственном университете. Комиссия в составе религиоведа Горбатова, лингвиста Осадчего и психолога Дранишникова пыталась признать экстремистским древний философский трактат.

Розенберг повернулся к прокурору, впившись в него ледяным взглядом.

— Знаете, что выяснилось в ходе того суда? Выяснилось, что исследования лингвиста Осадчего и психолога Дранишникова совпадали местами буквально слово в слово. Два независимых эксперта из разных областей науки чудесным образом написали идентичные тексты. Телепатия, не иначе. Но настоящая наука не терпит шарлатанства. В суд были представлены рецензии настоящих ученых. Кандидат филологических наук Орлова из Томского педагогического университета камня на камне не оставила от их методологии. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН Добровольский и доктор психологических наук Спиридонов из РГГУ официально подтвердили: выводы кемеровских «специалистов» не являются обоснованными и объективными.

Яша снова повернулся к судье.

— Ваша честь, в Томске суд проявил благоразумие и отверг эту псевдонаучную макулатуру. Сегодня нам принесли точно такую же фальшивку, сшитую по тем же самым лекалам. Набор страшных слов: «манипуляция», «деструктивность», «контроль». Слов, которые не имеют под собой ни единого эмпирического доказательства.

Прокурор Смирнов вскочил с места.

— Возражаю, Ваша честь! Защита уходит от сути дела и оскорбляет уважаемого эксперта, чья квалификация подтверждена его должностями!

— Оскорбляет? — Яша хищно улыбнулся. — Уважаемый прокурор, я еще даже не начинал говорить о квалификации вашего эксперта. Но раз уж вы сами подняли эту тему, давайте перейдем к самому интересному.

Розенберг подошел к своему столу, открыл кожаную папку и извлек оттуда стопку документов с синими гербовыми печатями.

— Статья пятьдесят седьмая Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации гласит, что экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями. Специальными. Знаниями.

Он поднял первый документ так, чтобы его видели и судья, и журналисты.

— Сторона обвинения утверждает, что автор этой экспертизы, господин Дворкин, является профессором сектоведения и главным специалистом страны по деструктивным культам. Я сделал официальный адвокатский запрос в Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки. И вот официальный ответ Рособрнадзора.

Яша подошел к секретарю судебного заседания и передал бумагу.

— Прошу приобщить к материалам дела. В данном документе черным по белому сказано: в действующей Номенклатуре специальностей научных и научно-педагогических работников Российской Федерации специальности «сектоведение» не существует. Ее нет в природе. Это выдумка. Фантом. Более того, Рособрнадзор официально подтверждает, что предусмотренные российской государственной системой аттестации ученые степени и звания у данного гражданина отсутствуют.

В зале поднялся гул. Журналисты начали быстро строчить в своих блокнотах и телефонах. Судья Климова взяла документ, внимательно вчиталась в текст и подняла удивленный взгляд на прокурора. Смирнов побледнел.

— Но позвольте, — продолжил Яша, наслаждаясь произведенным эффектом, — если он не ученый, то кто же он по образованию? Как человек, не имеющий профильного диплома, берется ставить психологические диагнозы и анализировать религиозные тексты? Ответ поражает воображение. Базовое образование нашего «эксперта» — степень бакалавра гуманитарных наук по

специальности “русская литература”, полученная в 1980 году в Hunter College Городского университета Нью-Йорка.

Розенберг развел руками в картинном недоумении.

— Ваша честь, я безмерно уважаю русскую литературу. Я люблю Пушкина, ценю Достоевского и преклоняюсь перед Толстым. Но если у меня, не дай бог, случится инфаркт, я вызову кардиолога, а не учителя литературы. Если у меня прорвет трубу, я позову сантехника, а не театрального критика. Почему же тогда следствие доверяет судьбу человека, его свободу и репутацию бакалавру литературы? С таким же успехом мы могли бы попросить дворника дядю Васю провести экспертизу ядерного реактора.

— Ваша честь! — голос прокурора сорвался на фальцет. — Это возмутительно! Эксперт имеет огромный опыт работы, он консультирует правоохранительные органы...

— Опыт работы в чем? В написании доносов? — ледяным тоном оборвал его Яша. — Если человек тридцать лет незаконно выдает себя за врача и выписывает рецепты, это не делает его медиком. Это делает его мошенником с большим стажем.

Розенберг выдержал паузу, давая словам осесть в сознании присутствующих. Он видел, как меняется лицо судьи. Климова была опытным юристом, и она прекрасно понимала: документ из Рособрнадзора — это не просто слова адвоката. Это факт, который рушит процессуальный статус эксперта.

Но Яша не собирался останавливаться на достигнутом. У него в рукаве был припрятан главный козырь.

— Ваша честь, — голос адвоката стал тихим, почти вкрадчивым, но от этой вкрадчивости по спинам присутствующих пробежал холодок. — Отсутствие образования — это полбеда. В конце концов, история знает талантливых самоучек. Проблема заключается в том, почему именно этот человек с таким маниакальным упорством ищет врагов там, где их нет. Почему он фабрикует угрозы и провоцирует конфликты.

Яша достал из папки следующий документ.

— Мы уже видели, к чему приводит деятельность подобных самопровозглашенных борцов с культами. Позвольте напомнить суду исторический прецедент. В тысяча девятьсот девяносто третьем году в США, в городе Уэйко, штат Техас, произошла трагедия. Федеральное бюро расследований осадило религиозную общину. И там тоже был свой «эксперт» — некий депрограммист Рик Алан Росс.

Розенберг поднял глаза на прокурора.

— Согласно официальному докладу заместителю Генерального прокурора США, этот самый Росс выступил по национальному телевидению и публично заявил, что лидер общины — трус, который никогда не покончит с собой, а предпочтет сдаться и написать книгу. Клинический профессор психиатрии Парк Дитц тогда срочно связался с ФБР и предупредил: такие заявления эксперта в СМИ — это прямая провокация. Приравнивание сдачи к трусости блокирует переговоры. Более того, Росс настойчиво убеждал силовиков, что община готовит массовое самоубийство, хотя вышедшие оттуда люди категорически это отрицали. Итог мы все знаем — штурм, пожар и десятки трупов, включая детей.

Яша сделал шаг к столу обвинения.

— Эксперты такого толка не изучают проблему. Они ее создают. Они эскалируют насилие. Они питаются конфликтом. И наш отечественный аналог действует абсолютно теми же методами. Он берет мирного инструктора по йоге и лепит из него монстра, чтобы оправдать собственное существование и свои гонорары. Но что движет этим человеком?

Адвокат вернулся к кафедре и положил перед судьей последний документ.

— Прошу приобщить к материалам дела официальное заключение специалистов Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского.

В зале повисла мертвая, звенящая тишина. Слышно было только, как гудят вентиляторы видеокамер.

— Ваша честь, — Яша говорил медленно, чеканя каждый слог. — Перед вами результаты анализа медицинских карт нашего так называемого эксперта. Высшая психиатрическая инстанция страны подтверждает наличие у данного гражданина тяжелых диагнозов. Циклотимия. Патологическое развитие личности. Психофизический инфантилизм.

Прокурор Смирнов открыл рот, чтобы заявить протест, но не смог издать ни звука. Он просто осел на стул, глядя на бумагу в руках судьи расширенными от ужаса глазами.

— Я не буду зачитывать всю клиническую картину, — продолжил Розенберг, с отвращением глядя на обвинителя. — Я процитирую лишь выводы врачей, которые имеют прямое отношение к нашему процессу. Специалисты Центра Сербского официально заявляют, что данный пациент нуждается в постоянном непрерывном наблюдении у психиатра и постоянном приеме психотропных препаратов. Врачи подчеркивают, цитирую: «Уровень ответственности, собранности, взвешенности у такого больного всегда значительно страдает, так как эмоциональный фон регулируется внутренними неконтролируемыми побуждениями».

Яша повернулся к залу. Его лицо было суровым, а в глазах горел огонь праведного гнева.

— Вдумайтесь в эти слова. Решения этого человека регулируются не законом. Не наукой. Не логикой. Они регулируются его внутренними неконтролируемыми побуждениями. Врачи прямо пишут, что в маниакальной фазе он способен создавать собственные теории, зачастую легко опровергаемые, и вести пропаганду, не подкрепленную серьезной научной базой.

Он снова посмотрел на судью.

— Ваша честь. В нашей стране человек с подобным анамнезом не имеет права получить водительское удостоверение. Ему не выдадут справку на владение охотничьим ружьем. Ему не доверят работу охранника в супермаркете. Государство защищает общество от его непредсказуемости. Но почему-то сторона обвинения считает возможным принести в суд бумажку, написанную

этим пациентом, и на ее основании требовать десять лет тюрьмы для абсолютно невиновного человека!

Яша ударил ладонью по столу. Звук разнесся по залу, как выстрел.

— Это не правосудие. Это театр абсурда. Это издевательство над здравым смыслом и Уголовно-процессуальным кодексом. Экспертиза, представленная обвинением, является недопустимым доказательством. Она составлена лицом, не имеющим профильного образования, не обладающим специальными знаниями и страдающим тяжелыми психиатрическими заболеваниями, исключающими возможность объективного анализа.

Розенберг собрал свои желтые листы и аккуратно сложил их в папку.

— На основании изложенного, руководствуясь статьями семьдесят пятой и двести тридцать пятой УПК РФ, сторона защиты заявляет ходатайство о признании комплексной психолого-лингвистической и религиоведческой экспертизы недопустимым доказательством и исключении ее из перечня доказательств по уголовному делу. А в связи с тем, что иных доказательств вины моего подзащитного в деле не имеется, я требую немедленного вынесения оправдательного приговора и освобождения Алексея Воронова из-под стражи прямо в зале суда. У меня всё.

Яков Соломонович сел на свое место. Он посмотрел на Воронова. Инструктор по йоге открыл глаза и едва заметно, с глубоким уважением, кивнул своему адвокату.

В зале стояла гробовая тишина. Судья Климова сидела неподвижно, глядя на стопку документов, переданных защитой. Справка из Рособнадзора. Заключение Центра Сербского. Рецензии академиков. Все это было оформлено безупречно, заверено печатями и не оставляло ей пространства для маневра. Опереться на экспертизу РАЦИРС после такого разгрома означало бы подписать приговор собственной судейской карьере — решение было бы снесено в апелляции с оглушительным скандалом.

Она перевела взгляд на прокурора.

— Сторона обвинения... желает высказаться по заявленному ходатайству?
— голос судьи звучал сухо и отстраненно.

Смирнов медленно поднялся. Он был похож на рыбу, выброшенную на берег.

— Ваша честь... стороне обвинения требуется время для... для ознакомления с представленными документами и формирования позиции. Прошу объявить перерыв.

Климова тяжело вздохнула и ударила деревянным молотком по подставке.

— Суд удаляется в совещательную комнату для разрешения заявленного ходатайства. Оглашение постановления состоится завтра в десять часов утра. Заседание закрыто.

Как только судья скрылась за дубовой дверью, зал взорвался. Тишина сменилась какофонией голосов, криков, щелчков затворов фотоаппаратов и топотом ног. Журналисты, расталкивая друг друга, бросились к барьеру, отделяющему зрительские места от зоны участников процесса.

Конвой начал выводить Воронова из стеклянной кабины. Алексей обернулся, посмотрел на Яшу и одними губами произнес: «Спасибо». Розенберг ответил коротким, уверенным кивком.

Адвокат неторопливо собирал свои вещи. Он убрал в портфель перьевую ручку, сложил документы, застегнул молнию. Он чувствовал на себе десятки взглядов. Пресса жаждала крови. Пресса почуяла сенсацию национального масштаба.

— Яков Соломонович! — прокричала поверх голов молодая журналистка с микрофоном известного интернет-издания. — Яков Соломонович, ответьте на один вопрос!

Розенберг остановился, повернулся к толпе репортеров и поправил очки.

— Слушаю вас, барышня. Только коротко. У меня стынет обед.

— Яков Соломонович! — выкрикнула журналистка, протягивая микрофон.
— Вы только что фактически похоронили репутацию главного сектоведа страны. Не боитесь ли вы критики и того, что ваша карьера окажется под угрозой?

Яша посмотрел на нее поверх очков, и в его взгляде на мгновение промелькнуло что-то гораздо более серьезное, чем обычный адвокатский сарказм.

— Критика? Послушайте сюда, деточка, — голос Розенберга зазвучал тише, заставляя репортеров замереть. — В Одессе на Привозе критика — это когда тебе говорят, что твой карп недостаточно свежий. А то, что мы видели в этом зале — это не критика. Это правда, у которой наконец-то прорезался голос.

Он сделал паузу, его лицо стало жестким.

— Вы спрашиваете, не боюсь ли я? Для меня это дело — давно уже не просто папка с документами в кожаном портфеле. И даже не вопрос гонорара, от которого я, к слову, отказался. Это личное. Когда на скамье подсудимых сидит мой земляк, честный человек, из которого этот инквизитор решил сделать «раковую опухоль» ради своего очередного гранта — это становится делом чести. А когда Розенберг защищает своих, он не смотрит на звания и не считает риски.

Яша выпрямился и посмотрел прямо в объектив центральной камеры, словно обращаясь к каждому зрителю по ту сторону экрана.

— Медицинские справки и липовые дипломы, которые я сегодня показал суду — это лишь верхушка айсберга. Если вы действительно хотите знать, кто стоит за этим процессом и что на самом деле им движет, то в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», вы найдете ответы, от которых у вас застынет кровь.

Он развернулся и, не добавив больше ни слова, направился к выходу из здания суда, оставив журналистов в ошеломленной тишине.

Двери зала суда с тяжелым стуком закрылись за спиной адвоката. Наживка была проглочена. Информационный вирус, способный разрушить империю лжи, только что был выпущен на свободу.

Глава 7. Эффект бабочки

Ровно в десять часов утра тяжелые дубовые двери зала судебных заседаний Басманного районного суда распахнулись, впустив председательствующую судью Климову. В помещении, до отказа забитом репортерами, операторами и слушателями, мгновенно повисла густая, почти осязаемая тишина.

Яков Соломонович Розенберг стоял за столом защиты, заложив руки за спину. Его лицо оставалось непроницаемым, высеченным из холодного мрамора, но внутри, под идеально скроенным пиджаком, ровно и мощно билось сердце старого хищника, загнавшего свою добычу в глухой угол. По правую руку от него, за пуленепробиваемым стеклом изолятора, возвышался Алексей Воронов. Инструктор по йоге сохранял ту же безупречную осанку и ясный, сфокусированный взгляд, с которым он встретил своего адвоката в первый день в провонявшей хлоркой камере СИЗО. Тюрьма не оставила на нем своего липкого отпечатка. Он не был сломлен, не был раздавлен, он просто ждал финала этой затянувшейся абсурдной пьесы.

На противоположной стороне зала государственный обвинитель Смирнов выглядел так, словно провел ночь под асфальтоукладчиком. Его лицо приобрело землистый оттенок, галстук съехал набок, а пальцы нервно перебирали края пустой картонной папки. Он знал, что сейчас произойдет. Все в этом зале знали.

Судья Климова опустила взгляд на стопку листов перед собой. Она откашлялась, и ее голос, лишенный обычных казенных интонаций, эхом разнесся по залу.

— Оглашается постановление суда, — начала она, чеканя каждое слово. — Рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайство стороны защиты о признании доказательства недопустимым, суд установил следующее. В основу обвинительного заключения по уголовному делу в отношении Воронова Алексея Викторовича положена комплексная психолого-лингвистическая и

религиоведческая экспертиза, выполненная президентом Российской ассоциации центров изучения религий и сект.

Климова сделала микроскопическую паузу, бросив быстрый взгляд на прокурора, и продолжила:

— Согласно статье семьдесят пятой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Суду представлены исчерпывающие, официально заверенные документы, неопровержимо свидетельствующие о том, что лицо, проводившее указанную экспертизу, не обладает необходимым профильным образованием, а также имеет подтвержденные медицинские противопоказания, исключающие возможность объективного, всестороннего и научного анализа.

В зале кто-то громко выдохнул. Журналисты замерли, боясь пропустить главные слова.

— На основании изложенного, — голос судьи набрал силу, — суд постановил: ходатайство защиты удовлетворить. Признать указанную экспертизу недопустимым доказательством и исключить ее из перечня доказательств по уголовному делу. В связи с отсутствием в материалах дела иных объективных доказательств, подтверждающих вину подсудимого в инкриминируемых ему деяниях, суд приказывает: Воронова Алексея Викторовича оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления. Мэру пресечения в виде заключения под стражу отменить. Освободить из-под стражи немедленно в зале суда.

Удар деревянного молотка прозвучал как пистолетный выстрел, разорвавший невидимые цепи.

Зал взорвался. Какофония голосов, криков, аплодисментов обрушилась на присутствующих. Судья Климова, не поднимая глаз, быстро собрала свои бумаги и скрылась в совещательной комнате. Прокурор Смирнов, ссутулившись, буквально сбежал через боковую дверь, спасаясь от объективов прессы.

Начальник конвоя, грузный прапорщик с равнодушным лицом, подошел к стеклянному «аквариуму». В его движениях не было ни злобы, ни радости — просто рутина. Он вставил длинный ключ в замочную скважину, повернул его дважды и с лязгом отодвинул тяжелую задвижку.

— На выход, гражданин оправданный, — буркнул он.

Алексей Воронов сделал шаг вперед, покидая клетку. Он не бросился на шею адвокату, не стал кричать от радости или позировать на камеры. Он просто глубоко вдохнул спертый воздух зала суда, расправил плечи и подошел к Якову Соломоновичу. Мужчины обменялись крепким, долгим рукопожатием. В этом жесте было больше смысла, чем в тысяче благодарственных речей. Это было уважение двух людей, которые посмотрели в глаза инквизиции и не отвели взгляд.

— Пойдемте отсюда, Леша, — негромко сказал Розенберг, подхватывая свой кожаный портфель. — Здесь слишком душно. А вам нужно обнять жену.

Они с пробились сквозь толпу репортеров, выкрикивающих вопросы наперебой, и вышли в широкий, гулкий коридор суда. Там, прижавшись спиной к прохладной мраморной стене, стояла Елена Воронова. Увидев мужа без наручников, идущего свободным шагом, она закрыла лицо руками и разрыдалась. Это были слезы абсолютного, чистого облегчения, смывающие недели липкого, удушающего ужаса. Алексей подошел к ней, обнял и прижал к себе, тихо шепча что-то успокаивающее.

Яша стоял в нескольких шагах от них, деликатно отвернувшись к окну. Он смотрел на залитую солнцем улицу, чувствуя приятную, тягучую усталость, которая всегда наступала после выигранного тяжелого процесса. Спустя несколько минут Елена отстранилась от мужа, поспешно вытерла лицо бумажным платком и решительным шагом направилась к адвокату. Ее руки дрожали, когда она расстегнула молнию своей объемной сумки и достала оттуда знакомый толстый конверт из плотной крафтовой бумаги. Тот самый конверт, который она принесла в его кабинет на Старой Басманной в день их первой встречи.

— Яков Соломонович, — ее голос срывался, но в нем звучала искренняя, безграничная благодарность. — Я не знаю, как вас благодарить. Вы совершили чудо. Вы вернули мне жизнь. Здесь оговоренная сумма, и я готова добавить еще, мы продадим машину, мы...

Розенберг медленно повернулся. Его лицо, обычно выражающее лишь холодный профессиональный расчет, сейчас было удивительно мягким.

— Спрячьте это немедленно, Леночка, — произнес он с той самой неповторимой южной интонацией, которую позволял себе только в минуты абсолютной искренности. — И прекратите делать мне нервы своими деньгами.

Елена растерянно замерла, переводя взгляд с конверта на лицо адвоката.

— Но как же... Это ваш гонорар. Ваша работа стоит огромных денег, вся Москва знает...

— Вся Москва знает, что Яков Розенберг любит деньги, — усмехнулся Яша, поправляя очки. — И Москва абсолютно права. Я обожаю деньги. Но есть вещи, которые не измеряются купюрами. Ваш муж, Леночка, — внук Раисы Марковны с Мясоедовской улицы. А я вырос на соседнем квартале. Мы с вами одной крови.

Он сделал шаг ближе, и его голос стал серьезным, почти торжественным.

— Защищать земляка от бандитов — это работа. За нее можно взять гонорар. Но уничтожать инквизиторов, которые возомнили себя богами и решили ломать жизни нормальным людям — это, Леночка, вопрос чести. А с земляков за вопросы чести денег не берут. Это мой личный вклад в санитарную очистку нашего общества. Купите на эти деньги билеты, поезжайте с мужем к морю. Подышите нормальным воздухом. И забудьте этих сумасшедших как страшный сон.

Алексей Воронов подошел к жене, положил руку ей на плечо и молча кивнул Яше. В этом кивке было полное понимание.

Яков Соломонович Розенберг вышел из здания суда на улицу. Холодный, свежий московский ветер ударил ему в лицо, растрепав седые волосы. Он остановился на крыльце, достал из внутреннего кармана серебряный портсигар, извлек сигарету и неторопливо прикурил от тяжелой бензиновой зажигалки.

Его смартфон в кармане пиджака вибрировал непрерывно. Уведомления сыпались сплошным потоком. Яша сделал глубокую затяжку, выпустил струйку сизого дыма и посмотрел на площадь перед судом.

Они думали, что могут запугать старого одессита анонимными звонками. Они думали, что их система неприкасаема. Но они забыли главное правило, которое Яша усвоил еще в юности на Молдаванке: если ты хочешь убить монстра, не пытайся с ним договориться. Вытащи его на свет. Солнце и правда сделают всю остальную работу. Розенберг бросил окурок в урну, поправил воротник пальто и медленно зашагал вниз по улице, растворяясь в московской толпе.

Эпилог. Конец империи

Тяжелые напольные часы в углу адвокатского кабинета на Старой Басманной гулко пробили полночь. Яков Соломонович Розенберг сидел в своем любимом кожаном кресле, ослабив узел галстука и расстегнув воротник сорочки. На столе перед ним стоял хрустальный бокал с нетронутым коньяком. Впервые за долгие недели он мог позволить себе роскошь абсолютной, ничем не нарушаемой тишины. Судебный процесс завершился. Алексей Воронов, инструктор по йоге, спал сегодня дома, рядом с женой, а не на жестких нарах следственного изолятора.

Любой другой адвокат на месте Яши сейчас праздновал бы триумф, подсчитывал бы дивиденды от возросшей репутации и принимал поздравления коллег. Но старый одесский волк не чувствовал радости. Внутри него зияла холодная, сосущая пустота, которую оставляло после себя прикосновение к inferнальному злу. Тишину кабинета разорвал резкий, требовательный звонок мобильного телефона. Яша бросил взгляд на экран. Высветился длинный номер с кодом Украины. Звонили из Одессы.

Он неторопливо взял аппарат и нажал кнопку приема.

— Да, слушаю.

— Яша? Шалом, дорогой! Это Давид Маркович беспокоит, троюродный брат Раисы Марковны, бабушки нашего Леши, — раздался в трубке хрипловатый, энергичный голос, пропитанный густым южным колоритом. — Мы тут всей семьей, всем двором на Мясоедовской не спим, ждем новостей. Леночка звонила, плакала, сказала, что ты вытащил парня прямо из зала суда. Яша, ты сделал великое дело! Мы за тебя молимся!

— Спасибо, Давид Маркович, — мягко ответил Розенберг, и на его лице впервые за день мелькнула теплая улыбка. — Своих не бросаем. Леша держался молодцом.

Связь прервалась. Розенберг положил телефон на стол и посмотрел на темный экран ноутбука.

Яша спас Алексея Воронова. Одного человека. Одну семью. А по всему миру, прямо в эту секунду, в камерах сидели тысячи таких же невинных людей. Матери теряли детей, предприниматели лишались дела всей жизни, верующие подвергались травле и избиениям. Инквизиторская сеть продолжала функционировать, перемалывая судьбы с методичностью промышленного прессы.

Адвокат открыл крышку ноутбука. Экран осветил его лицо холодным светом. На рабочем столе оставался открытым файл с полным текстом расследования американского агента.

Яша смотрел на огни мегаполиса, и в его душе поднималась мощная, непреодолимая волна яростного, кристально чистого осознания. Если человечеству дана свобода воли, если люди наделены разумом и совестью, значит, ответственность за этот мир лежит на них самих. Нельзя ждать, что справедливость спустится с облаков в виде разящей молнии. Справедливость творится руками людей. В залах судов, в газетных статьях, в честных расследованиях и в простом человеческом неравнодушии.

Маньяк смог выстроить свою империю террора только по одной причине: общество позволило ему это сделать. Следователи закрывали глаза на абсурдность экспертиз ради статистики. Судьи штамповали приговоры, боясь пойти против системы. Журналисты публиковали заказные статьи ради

рейтингов. Обыватели отворачивались, думая, что беда обойдет их стороной. Их молчание было тем самым фундаментом, на котором стоял трон инквизитора. Их равнодушие было топливом для его репрессивной машины. Но сегодня эта стена молчания дала трещину.

Яша вспомнил звонок из Одессы. Вспомнил лица журналистов в зале суда. Вспомнил глаза Алексея Воронова, который не сломался под давлением.

Но Яков Соломонович знал: раненый зверь опасен вдвойне. Система будет сопротивляться. Они будут блокировать сайты, угрожать, фабриковать новые дела, пытаться заглушить голос правды информационным шумом. Они бросят на защиту своей власти все доступные ресурсы. Поэтому останавливаться было нельзя.

Яша крепко сжал край подоконника. В его глазах, отражающих свет ночного города, горел огонь человека, принявшего свое главное в жизни решение. Это больше не была работа адвоката. Это была миссия.

Никто не имеет права оставаться в стороне. Никто не имеет права сказать: «Меня это не касается». Потому что завтра эта машина может прийти за любым. За ребенком, увлекшимся новой философией. За предпринимателем, создавшим успешный бизнес. За врачом, использующим нестандартные методы лечения.

Информация обязана разлететься по всему свету. Она должна звучать в парламентах и на международных трибунах, в университетских аудиториях и на кухнях обычных квартир. Люди обязаны знать, кто именно пишет для них законы, и кто определяет, во что им верить.

Правда — это единственное противоядие от безумия тоталитарного сектоведения.

Яков Соломонович Розенберг глубоко вдохнул холодный московский воздух. Он знал, что впереди его ждут тяжелые битвы, угрозы и бессонные ночи. Но страха не было. Была лишь абсолютная, непоколебимая уверенность в том, что тьма отступает там, где кто-то осмеливается зажечь свет. И он собирался сделать так, чтобы этот свет ослепил инквизиторов навсегда.